

Т.Ю. Кобищанов

Христиане Сирии в годы французской экспедиции на Ближний Восток (1798–1801)

Аннотация

Представленная статья является попыткой комплексного анализа реакции христианских общин Сирии на вторжение французских войск в 1799 г. Тематика Восточного похода Наполеона Бонапарта крайне популярна. Однако до сих пор не существовало отдельной работы, анализирующей восприятие французского нашествия христианами Большой Сирии: как ее оккупированных районов, так и находившихся под османским владычеством. В результате оставались загадкой умонастроения сирийских христиан во время первого с эпохи Крестовых походов вторжения европейцев в Святые места Палестины. Другой целью исследования было изучение этапов деформации системы этноконфессиональных отношений на Ближнем Востоке в период, предшествовавший полномасштабному кризису XIX в. В результате можно сделать вывод, что хотя французское вторжение привело к росту межконфессиональной напряженности, но волны христианских погромов в Сирии не произошло. Основанный на принципах шариата религиозный мир соблюдался османскими властями практически безукоризненно. Это не мешало турецким чиновникам использовать христианские общины и их богатых лидеров как один из источников средств, необходимых для ведения войны. Что касается самих христиан, то церковные элиты воспринимали носителей идей Французской революции преимущественно негативно, хотя, сталкиваясь с республиканскими солдатами, скрывали свои чувства. Сиро-христианское простонародье, напротив, демонстрировало искреннюю радость от прихода европейских военных и оказывало им различные услуги. Французское вторжение привело к изменению баланса сил и деформации шариатской системы отношений зависимости

и покровительства. Проявился раскол между церковными элитами и их паствой. Обострилась борьба за обладание Святыми местами Палестины. В Горном Ливане маронитская община впервые стала претендовать на власть. Все эти факторы будут нарастать на протяжении последующих десятилетий и приведут Сирию к межконфессиональному взрыву в середине XIX в.

Ключевые слова:

история Сирии, сирийские христиане, Восточный поход Наполеона Бонапарта, французская экспедиция в Сирию, этноконфессиональные отношения на Ближнем Востоке, борьба за Святые места Палестины

Для цитирования:

Кобищанов Т.Ю. Христиане Сирии в годы французской экспедиции на Ближний Восток (1798–1801) // Исторический вестник. 2025. Т. 54. С. 120–179. DOI: [10.35549/HR.2025.2025.54.003](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.54.003)

Taras Y. Kobishchanov

Christians of Syria During the French Expedition to the Middle East (1798–1801)

Abstract

The presented article is an attempt at a comprehensive analysis of the reaction of the Christian communities of Syria to the invasion of French troops in 1799. The theme of Napoleon Bonaparte's Eastern Campaign is extremely popular. However, there has not yet been a separate work analyzing the perception of the French invasion by Christians in Great Syria: both its occupied areas and those remaining under Ottoman rule. As a result, the mindset of Syrian Christians during the first European invasion of the Holy Sites of Palestine since the Crusades remained a mystery. Another purpose of the research was to study the stages of deformation of the system of ethno-confessional

relations in the Middle East in the period preceding the full-scale crisis of the 19th century. As a result, it can be concluded that although the French invasion led to an increase in interconfessional tensions, there was no wave of Christian pogroms in Syria. The religious peace based on the principles of Sharia was observed by the Ottoman authorities almost flawlessly. This did not stop Turkish officials from using Christian communities and their wealthy leaders as one of the sources of funds needed to wage war. As for the Christians themselves, the church elites perceived the bearers of the ideas of the French Revolution mostly negatively, although, when faced with Republican soldiers, they hid their feelings. The Syro-Christian common people, on the contrary, demonstrated their sincere joy at the arrival of the European military and provided them with various services. The French invasion led to a change in the balance of power, a deformation of the Sharia system of dependence and patronage. There was a split between the church elites and their flock. The struggle for the possession of the Holy Places of Palestine has intensified. In Mount Lebanon, the Maronite community began to claim power for the first time. All these factors will increase over the next decades and lead Syria to an inter-confessional explosion in the middle of the 19th century.

Keywords:

history of Syria, Syrian Christians, the Eastern Campaign of Napoleon Bonaparte, the French expedition to Syria, ethno-confessional relations in the Middle East, the struggle for the Holy Places of Palestine

For citation:

Kobishchanov T.Y. Christians of Syria During the French Expedition to the Middle East (1798–1801) // *The Historical Reporter*. 2025. Vol. LIV. P. 120–179. DOI: [10.35549/HR.2025.2025.54.003](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.54.003)

раткосрочная французская экспедиция в Сирию (из Каира Наполеон выступил 10 февраля, а вернулся обратно 14 июня 1799 г.) обычно рассматривается исследователями как эпизод Восточного похода и остается в тени событий, имевших место в Египте. Действительно, в Сирии французы находились не три года, как в Долине Нила, а немногим более трех месяцев

и оккупировали не всю страну, а лишь прибрежную полосу от Газы до Тира, а также часть Западной Галилеи до реки Иордан. Однако принципиально иной географический ландшафт Сирии, состав ее населения, особенности социальной и административно-политической структуры, культурно-религиозные и психологические отличия заставляют нас более пристально вглядываться в произошедшее на этой земле в 1799 г. столкновение двух цивилизаций.

Представленная статья касается только одного аспекта Сирийского похода: того, как на него отреагировали местные христиане — те, кто оказался как на оккупированной французами территории, так и за ее пределами. Нельзя сказать, чтобы данная тема оставалась вне внимания историков¹. Восточный поход Бонапарта — один из любимых сюжетов мировой арабистики и наполеоноведения, российские исследователи также внесли вклад в его изучение. Однако до сих пор не существовало отдельной работы, анализирующей восприятие наполеоновского нашествия христианами Большой Сирии², ее внутренних и прибрежных районов от Халеба до Газы и от Горного Ливана до Иерусалима, крупных городов и небольших селений.

В Новое время христиане составляли не менее 10% от полуторамиллионного населения Сирии³, но расселены там они были неравномерно. В Дамаске и Халебе (Алеппо), двух сирийских «мегаполисах», в конце XVIII в. проживало по 80–90 тыс. человек в каждом, доля христиан составляла там соответственно 6–8% и примерно 20%⁴. Христианские общины имелись в других административных центрах внутренней Сирии, включая Хаму и Хомс. Относительно много их было

¹ См.: *Жантиев Д.Р., Кириллина С.А.* Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта // *Французский ежегодник 2019*. Т. 52: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 128–147.

² Историческая Большая (Великая) Сирия превосходит границы современной Сирийской Арабской Республики и охватывает пространство между хребтом Восточный Тавр на севере, Средиземным морем на западе, Синайским полуостровом на юге и Сирийской пустыней на востоке.

³ *Barkan Ömer Lütfi.* Research on Ottoman Fiscal Surveys // *Studies in Economic History of the Middle East*. London: Routledge, 1970. P. 171; *Masters B.* Christians and Jews in the Ottoman Arab World. The Roots of Sectarianism. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 53. Впрочем, некоторые авторы оценивают долю христианского населения Сирии в 2–3 раза выше: *Haddad R.* Syrian Christians in Muslim Society. An Interpretation. Princeton: Princeton University Press, 1970. P. 10.

⁴ Здесь и далее см.: *Кобищанов Т.Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире. М.: Доброе слово, 2003. С. 60–67; *Панченко К.А.* Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия, 1516–1831. М.: Индрик, 2012. С. 118–148.

в городах-святынях. В Иерусалиме, по-видимому, христианство исповедовали 15–20% от 12 тыс. жителей, не считая ежегодно прибывавших на поклонение паломников. В Вифлееме, Назарете и Рамле, небольших городках, христиане составляли от трети до половины горожан. Особая ситуация сложилась в прибрежных районах. Развитие торговых связей с Европой превратило сирийские гавани в точки притяжения христианских торговцев со всего Восточного Средиземноморья. Униаты из Халеба и Дамаска, православные из Назарета и с побережья Эгейского моря, католики из Мальты — христиане разных исповеданий массово переселялись в портовые города Сирии во второй и третьей четвертях XVIII в. Правитель Галилеи шейх Дахир аль-‘Умар (ок. 1690–1775) всячески поощрял эту миграцию. Ко времени наполеоновского нашествия население Газы оценивалось в 3–4 тыс. жителей, Яффы — в 7–8 тыс., Хайфы — в 2–3 тыс.⁵, Акки — в 15–20 тыс.⁶, Бейрута — около 6 тыс.⁷, Триполи (Тарабулуса) — до 10 тыс.⁸ Во всех названных портах имелись крупные христианские общины, а в Акке и Хайфе христиане составляли большую часть горожан⁹.

В сельской местности христиане проживали вперемешку с мусульманами, исключительно христианские деревенские общины встречались редко. В качестве своеобразных христианских «резерваций» можно выделить обжитое православными плато Каламун к северу от Дамаска, а также населенную маронитами северную часть Горного Ливана. Нараставшая на протяжении XVII–XVIII вв. миграция маронитов на юг превратила и Центральный Ливан в зону с преимущественно христианским населением. Под защиту маронитских феодалов в Ливан переезжали греко-католики (мелькиты) из внутренней Сирии и армяне-униаты из Киликии.

Административно Сирия была разделена османскими властями на четыре провинции — *эялета*. К середине 1798 г. наместниками в двух из них были представители могущественного сирийского клана аль-‘Азм:

⁵ *Бонапарт Наполеон*. Кампания в Египте и Сирии (1798–1799 гг.) // О военном искусстве. Избранные произведения. М.: ЭКСМО, 2003. С. 590, 592, 600.

⁶ *Philipp T. Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831*. New York: Columbia University Press, 2001. P. 194.

⁷ *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte*. 3e édition, 1799 // Œuvres. Tome troisième. Paris: Fayard, 1998. P. 441.

⁸ *Pascual J.-P. La Syrie à l'époque ottomane (le XIXe siècle)* // *La Syrie d'aujourd'hui* (ed. A. Raymond). Aix-en-Provence: Institut de recherches et d'études sur les mondes arabes et musulmans, 1980. P. 32.

⁹ *Philipp T. Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City*. P. 22–24.

Дамасским эялетом правил ‘Абдаллах-паша (1795–1798), а Тарабулусским — его брат Йусуф-паша (1798–1799). Сайдский эялет (с административным центром в Акке) уже более 20 лет находился под властью Ахмад-паши аль-Джаззара (1776–1804). Халебская провинция с 1795 г. пребывала без официально назначенного из Стамбула губернатора — *вали*, владыкой эялета де-факто являлся один из богатейших людей Сирии, *мухассиль*¹⁰ Ибрахим-ага Каттар-агаси. Французское вторжение на Ближний Восток побудило Порту¹¹ предпринять ряд административных перестановок, непоследовательных и даже хаотичных. Перемещение пашей из одной провинции в другую спровоцировало вооруженные восстания в Дамаске и Халебе, что усугубило политический кризис. Ситуация несколько стабилизировалась лишь с появлением в Сирии в конце лета 1799 г. армии великого везира Йусуфа Зийа-паши (1798–1805 и 1809–1811 гг.).

XVIII столетие стало для Османской империи в целом и Сирии в частности эпохой расцвета местных элит. Ослаблением центральной власти воспользовались различные региональные лидеры, преимущественно опиравшиеся на феодальную систему клиентелы и кровнородственные связи. Отметим три локации, имевшие непосредственное отношение к данной статье. В Горном Ливане пост эмира сохранялся в роду Шихабов. К концу столетия эмиры все чаще делали ставку не на друзских феодалов, а на христиан-маронитов. В другом гористом районе с центром в Наблусе, к северу от Иерусалима, власть находилась в руках местных племенных лидеров, соперничавших друг с другом шейхов Ахмад-бея ат-Туккана и Йусуфа Джарара. Халеб раздирался на части противостоянием двух корпораций: янычар и возводивших свое происхождение к пророку Мухаммаду *шарифов*. В 1798 г. город на два с половиной месяца стал ареной кровавых боев после устроенной янычарами резни шарифов в мечети аль-‘Утруш.

¹⁰ Мухассиль — чиновник, отвечавший за сбор налогов в провинции. В Халебе полномочия и доходы мухассыля были необычайно велики по сравнению с другими эялетами, что американский исследователь Герберт Бодман связывал с комбинацией факторов богатой провинции и центра транзитной торговли (*Bodman H. Political Factions in Aleppo, 1760–1826*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1963. P. 36–38).

¹¹ Порты (Высокая Порты) — принятое в Европе наименование центрального органа управления Османской империей.

Межрелигиозные отношения в Сирии в первые месяцы после начала войны. Июль 1798 г. — февраль 1799 г.

Известия о том, что 1 июля 1798 г. Франция атаковала Египет, приходили в Сирию со значительным опозданием и распространялись медленно и неравномерно. Святогробец¹² архимандрит Максим Симский (ум. 1810) сообщал, что жители Иерусалима узнали о нападении 10 июля (28 июня по ст. ст.)¹³, а халебцы, согласно купцу-униату Йусуфу 'Аббуду, — в начале месяца сафар, т. е. после 14 июля 1798 г.¹⁴ Однако, как следует из отчета французского консула в Халебе Жан-Шарля Шодерло, 15 июля до местной европейской общины дошло письмо о выходе эскадры из Тулона и ее возможном следовании к берегам Нила. И лишь месяц спустя, 14 августа, в городе стало доподлинно известно, что французский десант высадился под Александрией¹⁵. В Бейруте православный летописец 'Абдаллах Трад сообщал, что его земляки получили вести о вторжении, когда в порт прибыл торговый галеон, спасшийся из Думьята (Дамияты). Причем бейрутцы настолько встревожились, что промедлили с разгрузкой корабля, и ночью тот с полными трюмами ушел дальше в Стамбул. Очевидно, своих товаров лишились местные купцы-христиане, поскольку Трад сокрушенно добавлял: «Да возместит Господь этим людям их потери и да пошлет им благо!»¹⁶ Если поверить летописцу¹⁷, то о вторжении его земляки узнали несколько раньше, чем в Халебе: в конце первой — начале второй недели августа 1798 г., поскольку Думьят был занят французами 6 августа. Для сравнения отметим, что в Стамбуле о нападении францу-

¹² Братство Святого Гроба Господня — объединение монашествующих Иерусалимской православной церкви. Одна из основных задач монахов Братства (Святогробцев) — защита прав православной церкви в заботе о Святых местах Палестины.

¹³ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 86–87.

¹⁴ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Halabī. Hawādith Ḥalab al-yawmiya 1771–1805. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdad [Ежедневные события Алеппо 1771–1805. Изучение истории Халеба и Багдада] Ḥalab: Sha'ā' li-n-nashar wa-l-'ulūm, 2006. P. 294–295.

¹⁵ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt // Bulletin d'études orientales. T. 51 (1999). P. 263–264.

¹⁶ Трад 'Абдаллах. Краткая история епископов, восходивших на высокую архиерейскую кафедру города Бейрута (пер. И.Г. Константинопольского) // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 179.

¹⁷ Данный раздел летописи писался по памяти либо подвергся более поздней редакции, поскольку приход галеона из Дамияты 'Абдаллах Трад датировал 30 июня 1799 г., когда французские войска уже год как находились в Египте и даже совершили поход в Сирию.

зов стало известно 17–18 июля¹⁸, а уже 24 июля Высокая Порты инициировала переговоры с Россией о вступлении в антифранцузский альянс¹⁹.

В прибрежных сирийских городах, уязвимых со стороны моря, сообщения о вторжении в соседний Египет вызвали панику. «В сердца и мусульман, и христиан вселился страх», — писал 'Абдаллах Трад²⁰. Бейрутцы были не одиноки в своих чувствах. Йусуф 'Аббуд сообщал об опасениях жителей Гаваней (араб. *Асакиль* от итал. *Scala*), что их города станут следующей жертвой французской агрессии. Смятение в портах усилилось, когда местные «торговцы и ремесленники» узнали о падении Каира²¹. Однако, вероятно, население Бейрута реагировало на эти известия наиболее нервно, на уровне массового психоза и паники. Причиной являлась историческая память горожан. За четверть века до описываемых событий в годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Бейрут дважды подвергся штурму российских эскадр, выдержал тяжелую осаду и последовавшую оккупацию. Понесенные страдания и жертвы не стерлись из воспоминаний, а мусульмане не забыли и о неоднозначной позиции, которую заняли в то время некоторые их земляки-христиане.

Памятуя о событиях 1772–1773 гг., власти Бейрута на этот раз приказали освободить под размещение солдат дома, лавки и склады в портовой части города. 'Абдаллах Трад указывал, что данные сооружения принадлежали христианам²², во что легко поверить, учитывая активное участие этноконфессиональных меньшинств в морской торговле. Первым порывом жителей было организовать самооборону. Дадим слово хронисту: «Мусульмане призывали христиан вооружиться и пойти с ними на укрепления, чтобы вместе защищать город. Некоторые безрассудные христиане раздобыли оружие и, снарядившись, пошли вместе с мусульманами на укрепления. Остальные же уклонились от этого и хотели бежать»²³. Дальнейшие события продемонстрировали различие позиций местной и провинциальной администраций. Бейрутские власти решили не допустить бегства христиан. Охране городских ворот было прика-

¹⁸ Shaw S.J. Between Old and New: The Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789–1807. Cambridge: Harvard University Press, 1971. P. 256.

¹⁹ Кобищанов Т.Ю. Преодолевая старые обиды: османский путь к подписанию союзного договора с Россией в 1798 г. // Электронный научно-образовательный журнал (ЭНОЖ) «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Ч. I. 45–50.

²⁰ Трад 'Абдаллах. Краткая история епископов... С. 179.

²¹ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Halabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdad. P. 295. Французские войска вошли в Каир 25 июля 1798 г.

²² Трад 'Абдаллах. Краткая история епископов... С. 179.

²³ Там же.

Место погребений в Бейруте. Художник Фрэнсис Б. Спилсбери. 1799 г.
Из книги «Живописные пейзажи Святой Земли и Сирии, описанные во время
кампаний 1799 и 1800 гг.» Лондон: Edward Ogme, 1803 г.
Из открытых источников

зано препятствовать *зимми*²⁴ как эвакуироваться самим, так и вывозить свое имущество. Отдельной проблемой стало обнаружившееся оружие: «Мусульмане при виде оружия у некоторых христиан вообразили, что с появлением врага христиане выступят против них вместе с жителями Горного Ливана»²⁵. В свою очередь окруженные подозрениями и запертые в городе зимми были крайне встревожены и напуганы, «и призвали они на помощь Господа, чтобы он избавил их от этой беды!»²⁶.

Погрома и резни не допустил сайдский наместник Ахмад-паша аль-Джаззар. Узнав о положении в важном портовом городе, он отдал приказ всем христианам покинуть его, захватив семьи и пожитки. «Ни один христианин не должен был ночевать в пределах Бейрута»²⁷. Городские власти выполнили распоряжение, однако «то открывали ворота и разрешали христианам свободно выходить, то приказывали им брать с собой не все вещи и провизию, а лишь самое необходимое и требовали, чтобы они не уходили дальше пригородных садов»²⁸. Найденное оружие

²⁴ Зимми — от араб. *зимма* («покровительство») — собирательное название немусульманского населения на территориях, где правовая система основывалась на законах шариата.

²⁵ Трад Абдаллах. Краткая история епископов... С. 180.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 180–181.

конфисковывали. В результате Бейрут был очищен от христианского населения, которое в большинстве эвакуировалось в Горный Ливан. Часть опустевших домов была занята солдатами, складированное в них имущество — разграблено²⁹.

Отметим, что описанная депортация христиан была уникальным, не имевшим аналогов событием. Эмир Хайдар Шихаб зафиксировал в своей хронике, что, узнав о захвате французами Египта, Ахмад-паша аль-Джаззар приказал всем христианам покинуть его владения³⁰. Однако, как отмечал немецкий исследователь Томас Филипп, неясно, предпринял ли вали хотя бы попытку реализовать свое распоряжение³¹. Мы увидим, что весной 1799 г. христиане оставались во всех тех населенных пунктах Сайдского пашалыка, где они проживали раньше. Исключением являлся только Бейрут. Впрочем, в отличие от последнего, ни один другой сирийский город за четверть века до того не становился объектом российских атак.

Во внутренней Сирии хаотичные алармистские действия предприняли власти Иерусалима. После прихода вести о высадке французов под Александрией немедленной реакцией местной администрации было арестовать глав трех основных христианских общин и ввести войска в монастыри. Как свидетельствовал архимандрит Максим Симский, мусульмане боялись, «как бы мы [православные. — Т.К.], францисканцы и армяне не соединились с теми Французами и не передали им Иерусалима»³². На следующий день настоятели были освобождены, а солдаты выведены³³, однако доверие к клирикам не восстановилось. «Вы тоже хианет [от *хийяна* (араб. «предательство, измена»). — Т.К.], т. е. бунтовщики, потому что вы друзья франков» — так секретарь Святогробского братства Неофит Кипрский (ум. после 1844) позднее описал обвинения в адрес православных монахов³⁴. Досмотры продолжались: «не оставили

²⁹ Там же. С. 180.

³⁰ *Shihāb Haidar Ahmad. Tārīḥ Ahmad bāshā al-Jazzār* [История Ахмад-паши аль-Джаззара] // Bayrūt: Maktabat Anṭūn, 1955. P. 37–212. P. 123.

³¹ *Philipp T. Social Structure and Political Power in Acre in the 18th Century* // *The Syrian land in the 18th and 19th Century. The Common and the Specific in the Historical Experience* / ed. Thomas Philipp. Stuttgart: Steiner, 1992. P. 98.

³² Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 87.

³³ Там же.

³⁴ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского о находящихся в Иерусалиме христианских вероисповеданиях и о ссорах их между собой по поводу мест поклонения. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 1. СПб., 1901. С. 29.

ни одной келии не обысканною... обыскивали даже сундуки и шкапы», — жаловался Максим Симский³⁵. Особенно усердно искали оружие в зданиях, принадлежавших католической Кустодии Святой земли³⁶.

Иерусалимский клир решил обратиться за помощью к наместнику Дамаска 'Абдаллах-паше аль 'Азму, власть которого распространялась и на Святой город. В архивах иерусалимского шариатского суда сохранилась переписка между дамасскими и иерусалимскими чиновниками, и своей рассудительностью она контрастирует с наполненными эмоциями летописями христианских монахов. 29 июля 1798 г. (15 сафара 1213 г. Х) вали рассмотрел обращение настоятелей, в котором те жаловались, что «как только слухи о событиях в Александрии достигли города [Иерусалима], они подверглись преследованиям толпы, их монастыри были разграблены, а насельники — взяты в заложники»³⁷. В ответ 'Абдаллах-паша распорядился провести расследование, действительно ли монахи питали «явные или тайные планы измены», и сообщить, если это подтвердится. Также он потребовал, пока не поступят распоряжения от Высокой Порты, поместить монахов под стражу и надзор, причем особо подчеркнул, что их следует оградить от притеснений и не допускать с ними дурного обращения³⁸.

Беды христианских иерархов и даже поиск изменников не были основными проблемами, волновавшими в те дни сирийскую провинциальную администрацию. Послание наместника было адресовано всей мусульманской верхушке Иерусалима и стало реакцией на просьбу прислать оружие и войска, а также разрешить занять городскую цитадель для обороны от предполагаемого французского вторжения. Паша подтвердил, что отряд солдат, артиллеристов (*тончуйе*) и вспомогательных сил (*арабачийе*) во главе с Ахмад-агой вскоре прибудет на помощь иерусалимцам. Как отмечал арабо-израильский историк Адель Манна, обычным сроком для прохождения корреспонденции между Иеруса-

³⁵ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 87.

³⁶ Кустодия Святой земли (лат. Custodia Terræ Sanctæ) — подразделение ордена францисканцев, уполномоченного папой хранить святыни Римско-католической церкви в Палестине. Начиная с 40-х гг. XVIII в. приоритет в покровительстве католическому присутствию на Святой земле принадлежал Франции, однако руководство Кустодии сохраняло интернациональный характер.

³⁷ Цит. по: *Mannā Adel. The Sijill as Source for the Study of Palestine During the Ottoman Period, with Special Reference to the French Invasion // Palestine in the Late Ottoman Period. Political, Social and Economic Transformation / ed. Kushner. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Press, 1986. P. 357.*

³⁸ Ibid.

лимом и Дамаском была неделя³⁹. Ответ 'Абдаллах-паши зарегистрирован в ведомости шариатского суда Иерусалима от 6 августа, и к этому времени в городе уже развернулись крайне драматичные для местных христиан события.

1 августа 1798 г. в Иерусалим, вероятно, пришли известия, что защищавшая Каир армия была разгромлена в знаменитой «битве у пирамид» (21 июля 1798 г.). Реакция мусульман, узнавших, что тысячи их единоверцев погибли, а один из крупнейших городов ислама пал в руки французов, оказалась предсказуемой. «Сбежались от мала до велика эти неразумные животные», — клеймил мусульманских земляков Максим Симский⁴⁰. Дальнейшие события противоречиво описываются источниками, однако их можно реконструировать с высокой долей уверенности. Толпа начала штурм католического монастыря Святого Спасителя. «Францисканцы... крепко заперли ворота; а Турки [мусульмане. — Т.К.] с криком и ревом принесли топоры и другие инструменты и пытались разломать ворота и войти. Но так как ворота были железные, они не могли этого сделать, принесли лестницы и, взобравшись на стены, начали прыгать вниз»⁴¹. Обитель была разграблена, однако братия уцелела, укрывшись в больнице и православном монастыре Архангела Михаила⁴².

Надо отметить, что по свидетельствам европейских путешественников XVIII — начала XIX в., иерусалимцы не выделялись чрезмерной набожностью; французский путешественник и ученый-энциклопедист К.-Ф. Шасбёф (Вольней) называл их «заслужившими репутацию самых нечестивых жителей Сирии»⁴³. Статус третьего священного города ислама (после Мекки и Медины) не привел Иерусалим к утрате своего христианского наследия, которое тщательно оберегалось султанскими властями. С начала XVI в. османы выстроили в Палестине сложную систему мусульмано-христианского симбиоза, основанного на соблюдении прав церковных иерархов, их местной паствы и прибывавших паломников, при условии выплаты значительных официальных и нелегальных пода-

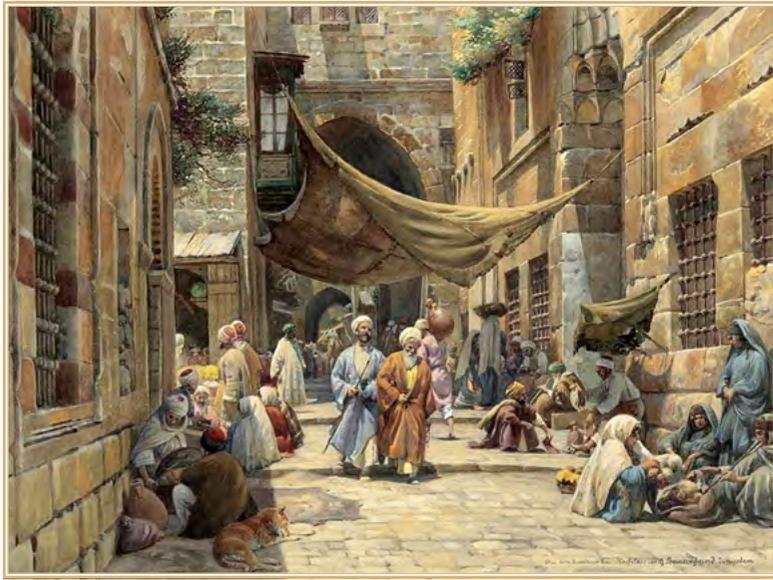
³⁹ Ibid.

⁴⁰ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 88. Его единоверец Неофит Кипрский относил упомянутые события к весне 1799 г. (*Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 28–31*). Однако Неофит писал свои заметки в 30–40 гг. XIX в., что дает нам больше оснований полагаться на датировки участника событий Максима Симского.

⁴¹ *Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 28.*

⁴² Там же.

⁴³ *Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. 3e édition, 1799 // Œuvres. Tome troisième. Paris: Fayard, 1998. P. 485.*

Улица царя Давида в Иерусалиме. Художник Густав Бауэрфайнд.
Из открытых источников

тей⁴⁴. К концу XVIII в. важнейшие должности в Иерусалиме захватили влиятельные кланы аль-Хусейни, аль-Халиди и др. Например, в конце столетия 'Абдаллах аль-Хусейни занимал пост местного *накыба аль-ашрафа*⁴⁵, а его брат Хасан — *муфтия* и *шейха аль-Харам* (главы третьей по значению мусульманской святыни — мечети аль-Акса)⁴⁶. Эти кланы были прочно коррумпированы христианскими иерархами Иерусалима, платившими им за покровительство в распрях о принадлежности Святых мест. К концу столетия разовые взятки превратились в фиксированные постоянные поборы, причем права на некоторые из них передавались по наследству⁴⁷. Ежегодные выплаты получал и местный *мутасаллим*⁴⁸. Так что арабо-османская знать Иерусалима была кровно заинтересована в восстановлении столь прибыльного для нее религиозного status quo.

Городские власти умерили гнев толпы. Как отмечал Неофит Кипрский, мутасаллим Исмаил-паша «миролюбивыми речами усмирил на-

падение», для чего ему понадобилось три дня⁴⁹. В дальнейшем иерусалимская администрация действовала согласно полученным из Дамаска распоряжениям, которые совпадали с ее собственными интересами. Османские солдаты тщательно «обыскали почти все щели и отверстия» в католических и православных обителях и установили, что оружия там нет. После этого, посоветовавшись («переговоривши потихоньку», в терминологии Неофита Кипрского) с другими должностными лицами, муфтий Иерусалима приказал католическим монахам Кустодии и православным — братства Святого Гроба Господня во главе с митрополитом Арсением «отправиться всем в священный храм Воскресения в заключение»⁵⁰. Максим Симский драматично писал, что «всех нас точно волки ягнят засадили под стражу»⁵¹, однако все свидетельствует, что сделано это было для обеспечения их безопасности от нападений взбудораженных мусульман. Помимо 36 православных архиереев⁵² и 18 членов Кустодии в храм Воскресения было отправлено 20 армянских, несколько коптских и абиссинских монахов, «так что всех оказалось до ста душ»⁵³. В здании храма они находились до 16 ноября (5 ноября ст. ст.) 1798 г., когда, как вспоминал участник событий Максим Симский⁵⁴, «по письменному повелению султана Селима и вследствие покровительства Джезар-паши ... мы были освобождены из-под стражи и от смерти»⁵⁵.

Вскоре после освобождения заключенных священнослужителей в Иерусалим из Дамаска прибыл сам 'Абдаллах-паша во главе воинского корпуса в 5–6 тыс. солдат. Неприязненно относившийся к вали Йусуф 'Аббуд сообщал, что прибывшие военные «завладели всем, до чего смогли дотянуться, и принялись разрушать священный Вифлеем»⁵⁶, однако местные христианские хроники это не подтверждают.

В крупнейших городах Сирии — Дамаске и Халебе — в первые месяцы после вторжения никаких антихристианских выступлений зафик-

⁴⁴ Подробнее см.: Peri O. Christianity under Islam in Jerusalem. The Question of the Holy Sites in Early Ottoman Times. Leiden: Brill, 2001.

⁴⁵ Накыб аль-ашраф — глава корпорации потомков Пророка.

⁴⁶ Asali K.J. Jerusalem under the Ottomans 1516–1831 AD // Jerusalem in History / ed. K.J. Asali. New York: Olive Branch press, 1990. P. 217.

⁴⁷ Ibid. P. 222.

⁴⁸ Мутасаллим — османский чиновник, глава администрации *санджака* (округа), входившего в состав провинции — *эялета*.

⁴⁹ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 28.

⁵⁰ Там же. С. 29.

⁵¹ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 87.

⁵² Там же.

⁵³ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 29.

⁵⁴ Максим Симский писал, что заточение продолжалось 108 дней, т. е. начаться должно было 31 июля — 1 августа. Похоже, что несколько дней архимандрит прибавил для пущего драматизма.

⁵⁵ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 87–88.

⁵⁶ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 297.

сировано не было, как, в частности, отмечал консул Шодерло⁵⁷. Местные зимми продолжали жить прежней жизнью, претерпевая примерно те же горести и радости, что и их соседи-мусульмане. Более того, на протяжении нескольких недель никаких действий ни со стороны городских властей, ни самих горожан не предпринималось и по отношению к проживавшим в Халебе французам, что особо подчеркнул японский исследователь Хидемицу Куроки⁵⁸. Только 8 сентября 1798 г. в соответствии с поступившими из Стамбула правительственными распоряжениями было приказано заключить французских подданных под домашний арест⁵⁹, а 16 сентября их всех, общим числом 36 человек, включая женщин и детей, «поместили в одно из помещений цитадели»⁶⁰: в 4 маленькие комнатки, как впоследствии писал Шодерло⁶¹. Имущество из принадлежавших французам домов и складов было вывезено, а сами помещения — опечатаны. Слугам и челяди не позволили остаться со своими хозяевами⁶².

Репрессии коснулись и тех местных христиан, которые были приписаны к французскому консульству в качестве драгоманов и их помощников. Что это были за люди? Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

Европейское присутствие в Халебе к концу XVIII в. значительно сократилось вследствие упадка осуществлявшейся через город транзитной торговли (в том числе иранским шелком). Места покидавших Северную Сирию европейских коммерсантов занимали купцы из числа ближневосточных христиан и иудеев. Османских немусульман не пугала сократившаяся рентабельность караванной торговли. У зимми имелись серьезные преимущества по сравнению с западными негодьями: арабский язык был для них родным или хорошо знакомым, они не нуждались в посредниках и прекрасно знали психологию своих контрагентов: как мусульман, так и европейцев⁶³. Таким образом, где-то они были готовы довольствоваться меньшей прибылью, нежели иностран-

⁵⁷ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 264.

⁵⁸ Ibid. P. 273.

⁵⁹ Ibid. P. 264.

⁶⁰ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 295.

⁶¹ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 264.

⁶² 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 295.

⁶³ Подробнее см.: Goffman D. The Ottoman Empire and Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 90–91; Masters B. The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750. New York: New York University Press, 1988. P. 60–62.

Алеппо. Дагеротип Жозефа-Филибера Жиро де Пранжи. 1843 г.
Из открытых источников

ные предприниматели, где-то за счет своих навыков им получалось повысить доходность.

По мере активизации коммерческой деятельности купцы-зимми стали чаще обращаться к европейским консулам за получением особых документов: бератов⁶⁴ и фирманов, выдававшихся соответственно драгоманам (осм. *турджуман*) и их помощникам (осм. *хизметгар*). Подавляющее большинство обладателей этих документов пользовались ими как охранными грамотами, подтверждавшими особый экстерриториальный статус в соответствии с режимом Капитуляций⁶⁵: неподсуд-

⁶⁴ В соответствии с режимом Капитуляций во второй половине XVIII в. термин *бара'а* (араб. «умение», «знание») стал обозначать патент, который наделял определенными привилегиями тех османских немусульман, кто состоял на службе в европейских консульствах. Бераты выдавались вице-консулам, драгоманам-переводчикам, охранникам, а в отдельных случаях — даже личным слугам консулов или служащим консульств. Обладатель берата — *бератлы* — не прекращал быть османским подданным, однако пользовался определенными торговыми, фискальными и юридическими преференциями, включая консульскую защиту. Привилегии распространялись на членов семьи бератлы. К берату прилагалось два фирмана для помощников бератлы. Обладатели этих фирманов — *нафар фирманлы* или *хизметгар* — также пользовались привилегиями, однако не семейными, а персональными и меньшими, чем у бератлы. Европейские консулы широко практиковали продажу бератов и фирманов крупным немусульманским торговцам и землевладельцам.

⁶⁵ Капитуляции — от *capitula* (лат. «глава») — соглашения, предоставлявшие иностранным государствам и их подданным особые права на территории Османской империи.

ность шариатским судам, право не платить *джизью*⁶⁶, пониженные таможенные ставки и ряд других привилегий. Для консулов же включение в списки на получение бератов и фирманов превратилось в высокодоходный бизнес. По имевшимся у стамбульских властей данным, в Халебе было 6 обладателей «французских» бератов и 12 — фирманов. В сентябре 1798 г. местный судья-кади отчитался в столицу, что в реальности в городе находилось 3 драгомана и 3 помощника: из остальных кто-то уже умер, кто-то проживал в Стамбуле, а некоторых просто не удалось найти⁶⁷.

Состав этого корпуса бератлы был полиэтничным: в представленном кади списке встречаются арабские, армянские и греческие имена⁶⁸. Однако действовали эти христиане с примечательной синхронностью. Узнав о нападении на Египет, «переводчики» попытались сдать свои бераты и фирманы представителям местных властей и получить от них расписки об уплате джизьи. Как отмечал Хидемицу Куроки, это был важный не столько символический, сколько формальный шаг: приняв подушную подать, османские чиновники в качестве представителей султана и исполнителей воли мусульманской общины-уммы становились «покровителями» уплативших джизью немусульман⁶⁹. Маневр не удался: почувствовав возможность наживы, местные служащие не позволили уплатить налог, вместо этого стали угрожать «бератлы» и вымогать от них взятки. «Переводчики» написали петицию в Стамбул, и в начале сентября 1798 г. халебскому кади пришел правительственный фирман; в нем требовалось проявлять мягкое обращение с «французскими» турджуман и хизметгар, в силу неопределенности их правового статуса⁷⁰.

2 сентября Османская империя официально вступила в состояние войны с Французской Республикой, и в середине месяца в Халеб пришло новое правительственное распоряжение. Бераты и фирманы «переводчиков» французского консульства требовалось аннулировать, а их обладателей — низвести до уровня обычных подданных-немусульман. Решение было компромиссным. Как отмечал Йусуф 'Аббуд, никто из этих христиан не был арестован, но их жилища были опечатаны⁷¹. Йусуф Куббе, представитель богатой маронитской семьи Халеба, сообщал, что

⁶⁶ Джизья — подушная подать, взимаемая с зимми.

⁶⁷ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 269.

⁶⁸ Ibid. P. 277.

⁶⁹ Ibid. P. 270.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 295.

скрыться от преследований пришлось трем приписанным к французскому консульству «драгоманам»: Ханна Андрия, Антуну Гаукасу и Антуну Газзалю, их дома были опечатаны⁷². Впоследствии консул Шодерло докладывал, что аресту подвергся «бератлы» Ханна Андрия и ему удалось спастись, перейдя под шведскую протекцию⁷³, но то был отдельный случай. Также особым образом развивалась ситуация вокруг «бератлы» Йусуфа валад Крикора Фарра — богатого армянского торговца. 'Аббуд сообщал, что тот освободил свой дом от ограничений «с помощью личных связей и крупного денежного подношения»⁷⁴. Но история на этом не закончилась. Йусуфу Фарра пришлось платить снова и снова, в результате, потеряв 200 тыс. пиастров, он бежал в Горный Ливан, откуда запросил берат Дубровника⁷⁵.

Трагична оказалась судьба маронита Йусуфа Караали. Караали сам активно занимался торговлей и выступал в качестве *махсанджи* (араб. «распорядителя товарами») или *далляля* (араб. «маклера») крупнейшего европейского негодянта в регионе французского Тома Велена, причем тот, по свидетельству современников, боялся влияния и интриг своего бизнес-партнера⁷⁶. Консул Ж.-Ш. Шодерло в августе 1797 г. аттестовал Караали крайне нелицеприятно: «нет ни одного турка [мусульманина. — Т.К.], европейца или райя [немусульманина. — Т.К.] в этом городе, кто не считал бы Жозефа Караали самым опасным интриганом»⁷⁷. Напротив, проживавший в Сирии монах-капуцин, признавая, что Караали общепризнанно считался «интриганом» и «самым дерзким и самым безрассудным» человеком в Халебе⁷⁸, отдавал должное его заслугам. «Несколько раз, — писал монах, — он использовал свое влияние и свой кошелек для того, чтобы вызволять из тюрьмы задолжавших христиан, либо других, которых спасал от того, чтобы быть раздавленными [традиционный способ казни. — Т.К.]; защищал вдов и сирот от тирании турок»⁷⁹. Об одном

⁷² Цит. по: Momdjian Maran. The Levantine Merchant Consuls of Aleppo; The Commercial Elites 1750–1850. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in History. Los Angeles: University of California, 2017. P. 92.

⁷³ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 269.

⁷⁴ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 295.

⁷⁵ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 269.

⁷⁶ Heyberger B. Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réforme catholique. Rome: École Française de Rome, 1994. P. 129.

⁷⁷ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 272.

⁷⁸ Heyberger B. Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réforme catholique. P. 128.

⁷⁹ Ibid.

из таких случаев поведал 'Абдаллах Трад. Караали, которого бейрутский летописец назвал «человеком красноречивым и сведущим»⁸⁰, не побоялся заступиться перед Ахмад-пашой аль-Джаззаром за томившихся в заключении православных бейрутских купцов и добился их освобождения за выкуп⁸¹.

Йусуф Караали считался человеком, способным, благодаря своим связям и деньгам, назначать и смещать пашей и глав таможен: «ему удалось все, что он ни предпринимал»⁸². Впрочем, неудача постигла маронита, когда в 1797 г. он деятельно включился в противостояние между Тома Веленом и мухассылем Ибрахимом Каттар-агаси⁸³. Причиной конфликта стал размер таможенных платежей; вопрос мог быть разрешен только на правительственном уровне. Йусуф Караали провел несколько месяцев в Стамбуле, встречаясь с влиятельными лицами и раздавая взятки в безуспешных попытках добиться отставки мухассыля⁸⁴. В этой борьбе семейство Каттар-агаси вышло победителем, но своих врагов не простило и не забыло.

Возможность отомстить предоставилась с известиями о французском вторжении. Каттар-агаси (он стал к тому времени пашой и наместником Дамасской провинции, а в сентябре 1798 г. — и главнокомандующим концентрировавшимися в Сирии османскими силами) и его сын Мухаммад, сменивший отца на посту халебского мухассыля, добились издания нескольких правительственных фирманов, предписывавших конфисковать деньги и имущество Тома Велена. В конце ноября 1798 г. и в январе 1799 г. Велен вместе с некоторыми другими французскими торговцами был подвергнут пыткам, допрошен был и Йусуф Караали⁸⁵. Выданный марониту испанским консульством берат был аннулирован, сам махзанджи — арестован, его имущество — конфисковано, дом — опечатан, а его записи — отправлены в Стамбул⁸⁶. Опальный христианин превратился в легкую жертву. После допросов его перевели в казармы, где располагалась орта (осман. «рота») шейха Бубакра, и тот под обещания «походатайствовать

⁸⁰ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 180.

⁸¹ Там же. С. 176.

⁸² Heyberger B. Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réforme catholique. P. 128.

⁸³ О биографии последнего см.: Bodman H. Political Factions in Aleppo. P. 38–40.

⁸⁴ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 298; Heyberger B. Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réforme catholique. P. 129.

⁸⁵ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 265–266.

⁸⁶ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 298.

в Порте о фирмане на помилование»⁸⁷ выманил у Караали оставшиеся запрятанные средства. Маронит со дня на день ожидал, что из Стамбула поступит указание «освободить его и помиловать»⁸⁸. Действительно, 6 февраля в Халеб пришел очередной фирман, в котором требовалось провести повторное расследование относительно собственности французских подданных. Тома Велен и еще один негоциант были вновь подвергнуты истязаниям⁸⁹. Караали же было приказано казнить.

Йусуф Караали стал единственным, потерявшим жизнь в ходе антифранцузских репрессий в Халебе, и его смерть потрясла единоверцев. Дополнительный драматизм казни придали дата и дата ее проведения: первого числа священного для мусульман месяца Рамадан, — и то, как она была обставлена. Йусуф 'Аббуд в красках описал это событие. В день казни Караали вызвали из темницы и «сказали: “Ступай домой, отдохни!” Передали его четверым жестокосердным людям лютого нрава, и после того как они вывели его из дома шейха Бубакра и довели до аль-'Аркуба⁹⁰, ему объявили, что его убьют. Он посулил им деньги, они не согласились. И, не промедлив ни минуты и не дав ему подготовиться к грядущей встрече с вечностью, один из них выстрелил в него, а другой — отрубил ему голову. Они сняли с него одежду вплоть до рубашки, а самого его бросили собакам, которые пожирали его мясо. На следующий день по полудни пришло разрешение забрать обглоданные псами кости»⁹¹. Так закончилась жизнь Йусуфа Караали, в которой, как философски написал монах-капуцин, «на протяжении примерно 20 лет были перемешаны добро и зло, надежда и страх»⁹².

Больше повезло халебским христианам, состоявшим под защитой Голландии и Венеции — стран, попавших под власть Франции. В феврале 1799 г. Порта приказала покинуть Халеб подданным Батавской республики⁹³, связанным же с голландским консульством местным христианам было велено лишь сдать бераты и фирманы и начать платить джизью⁹⁴. В марте 1799 г. аналогичное решение было принято в отношении шести драгоманов и де-

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 266.

⁹⁰ Квартал на северо-востоке Халеба.

⁹¹ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 298–299.

⁹² Heyberger B. Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réforme catholique. P. 129.

⁹³ Батавская республика — официальное название нидерландской Республики Соединенных провинций во время ее оккупации Францией между 1795 и 1806 гг.

⁹⁴ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 299.

сйти их помощников, приписанных к консульству Венеции⁹⁵, двумя годами ранее оккупированной войсками Наполеона. Счастливые столь мягким исходом бывшие бератлы, как отмечал летописец, «после полного страха получили успокоение, и выдали им письма и свидетельства о том, что они мирные люди и не вмешиваются они ни во что, что касается франков»⁹⁶.

В начале января 1799 г. власти приступили к распродаже с торгов опечатанного имущества французов и «переводчиков». Возможностью скупить за бесценок дома и товары воспользовались османские чиновники, мусульманские богословы и «некоторые другие мусульмане», в числе которых Йусуф 'Аббуд акцентировал внимание на выходцах из Палестины (Балистан)⁹⁷. При этом, подчеркивал христианский летописец, «в этих торгах не участвовал ни один (местный) христианин, ни франк, ни еврей и никто другой, поскольку они были запретными с точки зрения любого закона»⁹⁸. Остается лишь предполагать: было ли это сделано из чувства межобщинной солидарности либо представители меньшинств боялись, что несправедливо полученную собственность когда-нибудь придется возвращать настоящим владельцам, в то время как мусульманская знать ощущала себя более защищенной?

Описывая репрессии против восточнохристианских торговцев, связанных с Францией и ее европейскими сателлитами, следует отметить, что остальных негоциантов-зимми правительственные санкции не коснулись, они вели свои операции как прежде. Крупнейшие христианские предприниматели Халеба из кланов Куббе (марониты) и Балит (армяне), находившиеся под протекцией османских властей, не испытывали никаких препятствий в торговых операциях, то же самое относилось и к христианским купцам, приписанным к австрийскому консульству⁹⁹. Упомянутый выше Йусуф Куббе в письме от 29 сентября 1798 г. отмечал благополучную доставку груза зерна паше Бейлана¹⁰⁰.

Однако христианским торговцам, проживавшим в пределах Сайдского пашалыка, пришлось тяжелее. Горный Ливан и прилегавшие области Сирии не могли в полной мере обеспечивать свои потребности в продовольствии и зависели от его внешних поставок, в основном из Долины Нила. Современники отмечали «озабоченность» Ахмад-паши аль-Джаз-

⁹⁵ Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. P. 270.

⁹⁶ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 299–300.

⁹⁷ Ibid. P. 296.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Momdžian Maran. The Levantine Merchant Consuls of Aleppo. P. 147.

¹⁰⁰ Ibid. P. 56.

Джаззар-паша осуждает преступника. Художник Фрэнсис Б. Спилсбери. 1799 г. Из книги «Живописные пейзажи Святой Земли и Сирии, описанные во время кампаний 1799 и 1800 гг.» Лондон: Edward Orme, 1803 г. Из открытых источников

зара состоянием морской торговли после вторжения французов в Египет¹⁰¹. Правитель, спеша пополнить складские запасы, начал принудительно скупать зерно по ценам ниже рыночных. Абдаллах Трад жаловался, что рис при изъятии записывали по 70 пиастров вместо 100, и в дальнейшем оставшиеся 30% стоимости компенсировали только мусульманским торговцам. «Христиан же обобрали», — сетовал летописец¹⁰². Ливанский монах-шувайрит¹⁰³ Ханания аль-Мунаййир, сгущая краски, не сообщал даже о частичной выплате христианским купцам за изъятый рис, а также за пшеницу, «из-за чего они потеряли большие деньги»¹⁰⁴. Кроме того, Ханания, проявляя неординарную для духовного лица осведомленность, упомянул, что у торговцев Бейрута были конфискованы 35 ратлей¹⁰⁵ шелка, из которых было продано не менее 24 ратлей¹⁰⁶.

¹⁰¹ Al-Munayyir Ḥanāniyā. Kitāb al-ḥūrī Ḥanāniyā Al-Munayyir ḥuṭī [Писание многогрешного священника Ханании аль-Мунаййира] // Tārīḥ Aḥmad bāshā al-Jazzār [История Ахмад-паши аль-Джаззара]. Bayrūt: Maktabat Anṭūn, 1955. P. 351–516.

¹⁰² Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 180.

¹⁰³ Братство шувайритов — греко-католический орден базилиан (василиан) Св. Иоанна Крестителя (лат. Ordo Basilianus Sancti Johannis Baptistae Melkitarum). Основан в 1712 г. в селении Шувайр в Горном Ливане. Признан Ватиканом в 1757 г.

¹⁰⁴ Al-Munayyir Ḥanāniyā. Kitāb al-ḥūrī Ḥanāniyā Al-Munayyir. P. 465.

¹⁰⁵ Ратль — исламская объемно-весовая мерная единица, в зависимости от места и эпохи равнялся от 406 до 449,28 г.

¹⁰⁶ Al-Munayyir Ḥanāniyā. Kitāb al-ḥūrī Ḥanāniyā Al-Munayyir. P. 465.

Проведя реквизиции, Ахмад-паша, руководствуясь соображениями безопасности, а возможно и желая взвинтить цены на скопившееся на его складах зерно, распорядился запретить любое сообщение с оккупированными французами территориями¹⁰⁷. «Из-за этого поднялись цены на египетские товары, такие как рис, ткани, сахар и кофе», — сообщил летописец¹⁰⁸. Приказ соблюдался строго. Двух христианских торговцев из Акки — Антуна Загиба и Ханну 'Атыйя, прибывших в конце августа 1798 г. к аль-Джаззару вместе с французским комиссаром Бовуазеном, паша приказал арестовать, а их товары конфисковать¹⁰⁹. Впоследствии оба были казнены¹¹⁰.

Подведем первые итоги. Известия о вторжении западной армии в соседнюю Египетскую провинцию не породили в Сирии волны христианских погромов. Серьезные волнения имели место только в Бейруте и Иерусалиме. В первом случае они стали следствием незажившей исторической раны: случившейся за четверть века до того кровопролитной осады и последовавшей оккупации российскими войсками. Иерусалим же являлся не только наиболее близким к египетской границе крупным городом, но и местом сосредоточения европейских монахов, в которых местные мусульмане увидели потенциальную «пятую колонну». В обоих случаях последствия оказались не столь трагичными, как могли бы. Христианам Бейрута пришлось выселиться из города, оставив свои дома и часть имущества, однако хроники не фиксируют случившихся убийств или физического насилия. В Иерусалиме монахам довелось пережить несколько неприятных часов обыска обитателей, страха перед мусульманской толпой, а потом — три с лишним месяца пребывания в Храме Гроба Господня. При этом также обошлось без кровопролития. В Халебе части денег и имущества лишилась небольшая группа купцов, подвизавшихся

¹⁰⁷ *Трад Абдаллах*. Краткая история епископов. С. 181.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Égypte / Publiée et traduite par M. Desgranges aîné*. P.: Impr. royale, 1839. P. 60; *al-Turk Niqūlā ibn Yūsuf. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiyya al-aqtār al-Miṣriyya wa-l-bilād al-Shāmiyya*. P.: Impr. royale, 1839. P. 51–52.

¹¹⁰ *Turk Nicolas. Chronique d'Égypte, 1798–1804 / éd. et tr. Par Gaston Wiet*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1950; *al-Turk Niqūlā ibn Yūsuf. Mudhakkirāt Niqūlā al-Turk*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1950. P. 34.

при французском консульстве, а один из них — Йусуф Караали — оплатился жизнью за свою неумную энергию и бесстрашный авантюризм. Также в Акке были арестованы два христианских торговца, сопровождавших эмиссара Бонапарта к Джаззар-паше. В остальных городах и поселках Большой Сирии, включая Дамаск, значительных волнений не произошло, по крайней мере, нам о них не известно. Основанный на принципах шариата религиозный мир соблюдался османскими властями практически безукоризненно.

Межконфессиональные отношения в период французского вторжения в Сирию. Весна 1799 г.

Раздробленная Сирия представлялась Бонапарту легкой добычей. За несколько недель он рассчитывал овладеть всей ее территорией, включая города побережья, Халеб, Дамаск и Иерусалим. Особые планы у французского полководца были на местные этноконфессиональные меньшинства: в частности, он предполагал «вооружить христиан Сирии, поднять восстание друзов и маронитов, а затем действовать сообразно обстоятельствам»¹¹¹. Это позволило бы, по планам Наполеона, пополнить армию «18 000 друзов, маронитов и других сирийцев»¹¹². Однако, как признался генерал-аншеф, «ход событий опроверг его расчеты»¹¹³.

В середине февраля 1799 г. французские части общим числом около 13 тыс. солдат пересекли Синайскую пустыню и захватили основной форпост на границе Египта и Сирии: крепость Эль-Ариш. 24 февраля 1799 г. войска Наполеона подошли к Газе и на следующий день заняли город. Узнав, что война докатилась до Сирии, мусульмане Иерусалима прибегли к уже испытанному средству: 26 февраля поместили местных христиан под стражу в храм Воскресения Господня¹¹⁴. На этот раз монахи и священники остались на свободе, под арест же попало около тысячи мирян¹¹⁵: «молодых и стариков, исключая жен и детей»¹¹⁶; как уточнял позднее Неофит Кипрский: 600 православных, 300 католиков

¹¹¹ *Бонапарт Наполеон*. Кампания в Египте и Сирии (1798–1799 гг.) // О военном искусстве. Избранные произведения. М.: ЭКСМО, 2003. С. 579.

¹¹² Там же. С. 580.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. С. 88.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского. С. 30.

и 80 армян. Столь много их оказалось потому, что приближались Пасхальные дни и были задержаны христианские паломники, вызывавшие особое подозрение¹¹⁷. В архивах шариатского суда Иерусалима сохранился документ о помещении 6 марта 1799 г. (29 рамадана 1213 г. Х) в этот же храм 52 монахов из Иерусалима, Вифлеема и Рамлы¹¹⁸, впрочем, христианские источники об этом не упоминают.

Храму Воскресения Господня было не привыкать к роли странноприимного дома: пилигримы размещались в его стенах на протяжении столетий. Максим Симский, привычно сгущая краски, писал, что паломники «подпали безумному нападению диких зверей, их содержали под стражею с намерением убить их бесчеловечным и диким образом»¹¹⁹. Однако действительность оказалась не столь драматична. Заложники находились в Храме Гроба Господня «свыше 75 дней»¹²⁰, в течение которых им поставляли продовольствие монахи всех трех конгрегаций¹²¹. Помощь раздавали избирательно: каждый монастырь кормил своих единоверцев. Столь долгое пребывание в Храме, видимо, более тяготило монахов, нежели пилигримов, привычных к долгому и неторопливому паломничеству: восточные христиане совершали поклонение месяцами, а среднее время нахождения европейцев в Святой земле в конце XVIII в. составляло около полугода¹²². В середине мая, в канун или во время отступления французов из-под Акки, архиереям удалось договориться с властями и, «заплатив большие деньги», вывести затворников «из священной темницы»¹²³.

В качестве сравнения посмотрим на то, что происходило в эти месяцы с иерусалимской иудейской общиной. Географ Иосиф Шварц (1804–1865), в 1833 г. переселившийся из Баварии в Иерусалим, писал, что весной 1799 г. среди местных евреев разнесся слух, что мусульмане обвиняют их в сношениях с Бонапартом и собираются перебить¹²⁴.

¹¹⁷ К концу XVIII в. на фоне распространения секуляризма и войн против революционной Франции число европейских пилигримов упало, однако восточные христиане продолжали массово прибывать в Святой город на Пасху (*Asali K.J. Jerusalem under the Ottomans*. P. 221).

¹¹⁸ *Mannā Ādel. The Sijill as Source for the Study of Palestine*. P. 359.

¹¹⁹ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 88.

¹²⁰ Там же. С. 89.

¹²¹ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского. С. 30.

¹²² *Asali K.J. Jerusalem under the Ottomans*. P. 221.

¹²³ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 89.

¹²⁴ *Schwartz J. Descriptive Geography and Brief Historical Sketch of Palestine*. Transl. by Isaak Leeser. Philadelphia: A. Hart, 1850. P. 374.

Еврейский историк Исаак Ривкинд собрал жалобы иерусалимских иудеев, опасавшихся в эти дни за сохранность своих жизней, имущества и «непорочность дочерей израилевых». В городе ожидали вторжения французов, взлетели цены, мусульманские кредиторы потребовали от евреев возврата долгов. Чтобы собрать требуемую сумму, общине пришлось поднять внутренние сборы, обложить пошлинами раввинов (от чего те были прежде освобождены), продавать посеребренные *мэили* (покровы для свитков Торы) и даже собственные одежды¹²⁵. Доказывая свою лояльность, возглавлявшие общину рабби Йом Тов Альгази и рабби Мордехай Меюхас провели молитвенное стояние единоверцев у Стены Плача, в ходе которого иудеи просили Бога защитить город от надвигавшейся французской армии. Молебствиями раввины не ограничились и вызвались помочь властям подготовить Иерусалим к обороне. Сотни евреев приняли участие в возведении укреплений вокруг городской цитадели, причем седовласый рабби Мордехай с лопатой в руках подавал единоверцам пример. По сведениям, полученным Иосифом Шварцем, своим усердием иерусалимские евреи заслужили благодарность и уважение местных мусульман¹²⁶. Впрочем, общий долг общины, составлявший в 1797 г. 50 тыс. пиастров, к началу XIX в. вырос до 200 тыс.¹²⁷

Как видим, иудейская община Иерусалима заняла более активную позицию по сравнению с христианскими, проявив высокую степень адаптивности и изобретательности. Почему православные, католические или армянские иерархи не попытались словом и делом доказать лояльность султану? Почему церковные пастыри не мобилизовали единоверцев на общие молитвы и фортификационные работы, а вместо этого предпочли договариваться с иерусалимскими властями напрямую? Не потому ли, поскольку не были уверены, что паства проявит требуемые пыл и рвение?! Впрочем, мы увидим, что иерусалимские власти нашли способ использовать местных христиан даже более эффективно, чем на строительстве укреплений.

2 марта 1799 г. разъезды французской армии оказались в трех милях от Иерусалима. Наполеон рассматривал возможность занять Священ-

¹²⁵ *Rivkind I. Separate Pages (Documents on the History of the Jewish Settlement in Palestine in the Eighteenth and the Nineteenth Centuries) // Yerushalayim (Collection of Papers in Memory of Abraham Moses Lunz), Jerusalem, 1929. P. 111–178. Цит. по: Lieber Sh. Mystics and Missionaries. The Jews in Palestine, 1799–1840. Salt Lake City: University of Utah press, 1992. P. 12.*

¹²⁶ *Schwartz J. Descriptive Geography*. P. 374.

¹²⁷ *Lieber Sh. Mystics and Missionaries*. P. 12.

Стена Плача, Иерусалим. Художник Густав Бауэрфайнд. 1887 г.
Из открытых источников

ный город, там он рассчитывал «завербовать значительное количество христиан и найти важные для армии ресурсы»¹²⁸. Его солдаты были также воодушевлены возможностью лицезреть Святые места. «Вся армия была охвачена праздничным настроением в связи с предстоящим вступлением в этот столь знаменитый Иерусалим, — вспоминал Бонапарт, — несколько старых солдат, воспитанных в семинариях, распевали духовные гимны и “Плач Иеремии”, которые можно слышать на Святой неделе в церквях Европы... Армия была охвачена жгучим желанием увидеть поскорей Голгофу, гроб Господень, плато Соломонова храма; она испытала чувство горечи, получив приказ повернуть»¹²⁹.

Отказаться от захвата Святого города Наполеона заставили военно-тактические соображения, и он продолжил путь на север вдоль побережья. На следующий день французские передовые отряды подошли к Яффе, и 7 марта начался ее решающий штурм. В периметр стен атакующие ворвались через пролом со стороны христианского квартала¹³⁰, который стал одним из наиболее пострадавших городских районов. Устроенная захватчиками резня была неопишуемой, став потрясением

¹²⁸ Бонапарт Наполеон. Кампания в Египте и Сирии. С. 591.

¹²⁹ Там же. С. 591–592.

¹³⁰ *al-Shihābī 'amīr Haydar Aḥmad*. Lubnān fī 'ahd al-'umārā' al-Shihābīyīn [Ливан в эпоху эмиров Шихабов]. Baḡūt, 1969. Т. 2. Р. 257.

Иерусалим, 9 апреля 1839 г. Художник Луи Гар (1806–1885).
Иллюстрация из издания «Святая Земля» Т. 1. Л. 16.
Из открытых источников

для сохранявших человеколюбие участников экспедиции. Врач Этьен-Луи Малю вспоминал: «Солдаты разрубали на куски мужчин и женщин, молодых и старых, христиан и турок [мусульман. — Т.К.]. Все живые существа становились жертвами их жестокости»¹³¹. Шокирующие подробности зверств, описанных Малю, мы не считаем возможным приводить в этой статье. Через несколько дней после штурма выживших горожан заставили собирать валявшиеся на улицах и в домах тела убитых и хоронить их. Также их обязали выплатить огромную контрибуцию в 175 тыс. ливров¹³². Город опустел: из 7–8 тыс. жителей к 1800 г. в Яффе осталось 1–1,5 тыс. человек¹³³. Из числа уцелевших видных христиан и мусульман Наполеон распорядился собрать марионеточный орган самоуправления — диван из 7 человек¹³⁴.

Яффа находилась всего в 33 милях от Иерусалима, и вести оттуда достигали Святого города в тот же или на следующий день. 9 марта 1799 г.

¹³¹ *Malus E.-L.* L'Agenda de Malus. Souvenirs de l'expédition d'Égypte 1798–1801 Paris: H. Champion, 1892. Р. 135f.

¹³² *Bernoyer F.* Avec Bonaparte en Egypte et en Syrie 1798–1800 / ed. C. Tortel. Abbeville, 1976. Р. 143.

¹³³ *Kark R.* Ottoman Jaffa: From Ruin to Central City in Palestine // The History and Archaeology of Jaffa 1 / ed. Martin Peilstöcker and Aaron A. Burke. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. Р. 132.

¹³⁴ *Jonquière C. de la.* L'Expédition d'Égypte. Paris: Henri Charles-Lavauzelle, 1899. Т. IV. Р. 282.

Бонапарт направил послание «шейхам, улама¹³⁵ и коменданту Иерусалима». В письме генерал-аншеф призывал горожан покориться французской армии, причем называл себя «другом мусульман»¹³⁶. На следующий день 10 марта в ставку Наполеона прибыла делегация христиан Иерусалима, отправленная мутасаллимом Исмаил-пашой то ли в ответ на это письмо, то ли после получения информации о падении Яффы. Христиане «умоляли спасти их» и изложили угрозу иерусалимских властей «перерезать их, прежде чем оставить город и перейти Иордан». С другой стороны, если французы не двинутся на Иерусалим, мутасаллим обещал «освободить и охранять христиан, ни в чем не помогать Джеззару, а после взятия Акры подчиниться победителю»¹³⁷. Бонапарт не стал отвергать столь соблазнительное предложение. «Это было выгодно, — писал он. — Это значило не отказаться от посещения Иерусалима, а отложить его на неделю или две!»¹³⁸ Иерусалимские власти сдержали обещание: никаких репрессий в отношении христиан до конца войны не было.

Ситуация, похожая на иерусалимскую, наблюдалась и в некоторых других районах Внутренней Сирии, вплоть до Заиордания. Посетившие в 1818 г. Эль-Карак английские офицеры Чарлз Леонард Ирби и Джеймс Мангас сообщали, что во время французского нашествия 1799 г. мусульмане собирались разоружить местных христиан и изгнать их из города, чему воспрепятствовал правивший Эль-Карак шейх¹³⁹.

Если в Иерусалиме христиане отделались испугом, то в соседней Рамле, городке с населением примерно в 1 тыс. человек¹⁴⁰, события развивались более драматично. Максим Симский сообщал, что 9 марта 1799 г. мусульмане из окрестностей Иерусалима ворвались в Рамлу и разграбили дома христиан: православных и униатов. Очевидно, основ-

¹³⁵ Улама (ед. ч. 'алим) — мусульманские богословы и судьи, хранители исламской традиции, блюстители шариата.

¹³⁶ *Napoléon. Correspondance de Napoléon Ier.* Т. 5. Paris: Henri Plon, J. Dumain, 1860. P. 458.

¹³⁷ *Бонапарт Наполеон.* Кампания в Египте и Сирии. С. 598.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ *Irby C.L., James M. Travels in Egypt and Nubia, Syria, and the Holy Land, Including a Journey Round the Dead Sea, and through the Country East of the Jordan.* London: John Murray, 1852. P. 112.

¹⁴⁰ *Cohen A. Ottoman Rule and the Re-Emergence of the Coast of Palestine // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée.* No. 39. 1985. P. 166. Про Рамлу Наполеон написал, что все ее население — христианское (*Бонапарт Наполеон.* Кампания в Египте и Сирии. С. 592), однако мусульмане и в конце XVI в., и в начале XIX в. составляли там большинство жителей (*Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. С. 140–141).

ными участниками погрома стали не только воинственные феллахи из окрестных деревень, но и жители соседнего гористого района с центрами в Наблусе и Дженине. После атаки мужчины-христиане, оставив свои семьи, бежали из Рамлы, в том числе в занятую французами Яффу. При вторичном нападении на город около двухсот христианок с детьми были захвачены в плен мусульманами, их выкупили святогробцы и поселили в женском монастыре святых Федоров¹⁴¹. Во время погрома была сожжена церковь Георгия Победоносца, убиты священник и свечник-церковнослужитель¹⁴². Христиане решились вернуться в Рамлу лишь несколько лет спустя, храм был восстановлен в 1817 г.

За рамками повествования архимандрита остались обстоятельства, которые позволяют видеть в действиях мусульман нечто большее, нежели желание ограбить беззащитных христиан. За неделю до первого нападения через Рамлу прошла французская армия. Командующий инженерной бригадой Ж.-Ф. Детруа (1771–1799) зафиксировал в дневнике, что навстречу французам высыпали «христианские женщины города... Они все, а также их дети демонстрировали огромную радость от нашей встречи»¹⁴³. О теплом приеме французов жителями Рамлы писал и картограф Пьер Жакотен (1765–1827)¹⁴⁴. Сам Бонапарт вступил в Рамлу на следующий день, осмотрел местные достопримечательности и провел ночь в францисканском монастыре Св. Никодима и Св. Иосифа Аримафейского. Продемонстрированная христианами Рамлы поддержка захватчиков стала для мусульман знаком нелояльности и поводом наказать зимми: скорее всего, обложить их контрибуцией. После этого мужчины-христиане и сочли за благо уехать на время из города, спасая остатки денег и ценностей от новых поборов. Не обнаружив глав семейств, вооруженные феллахи и горцы захватили их жен и продали их за выкуп монахам-святогробцам.

Наказание христиан Рамлы, очевидно, было частью джихада, объединившего мусульман Наблуса. Мутасаллим санджака Дженин шейх Йусуф Джарар написал патриотическую поэму, призывавшую единоверцев сплотиться перед лицом нашествия, вести о котором вызывали «на глазах слезы, а в сердце — пламя»¹⁴⁵. «Миллет (нация) неверных атакует нас, на-

¹⁴¹ *Максим Симский.* Продолжение истории патриархов. С. 88.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ *Jonquière C. de la. L'Expédition en Egypte.* Т. IV. P. 237.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ *Doumani Beshara. Rediscovering Palestine: Merchants and Peasants in Jabal Nablus, 1700–1900.* Berkeley: University of California press, 1995. P. 17.

мереваясь разрушить наши мечети!» — провозглашал шейх Йусуф, взывая к правоверным мусульманам. Его призыв оказался услышан. 15 марта объединенные силы шейхов Наблуса в количестве 4 тыс. человек при поддержке 1 тыс. мамлюков встретились с наполеоновскими войсками в окрестностях Хан-Какун. Французы одержали победу, но преследовать отступивших в горы наблусцев им не удалось. Область оставалась под контролем шейхов до конца Сирийской экспедиции.

Йусуф Джарар был не единственным сирийцем, кто пытался разжечь пламя джихада в сердцах мусульман. Шейх Муса аль-Халиди (1767–1832) — алим из влиятельной иерусалимской семьи, к 1799 г. выслужившийся до должности кади аскера¹⁴⁶ Анатолии, прислал мусульманам Палестины прокламацию, призывавшую их на борьбу с Бонапартом¹⁴⁷. Позднее его соотечественник, известный иерусалимский суфий Мухаммад ибн Будайр (1747–1805), сочинил поэму, прославлявшую подвиг аль-Джаззара в борьбе с Наполеоном¹⁴⁸. Сохранилось обращение в Порту шейхов Палестины на основе перехваченного ими «письма Бонапарта», явной османской фальшивки. Провокация достигла своей цели. Арабские шейхи с ужасом сообщали, что, оказывается, подлинной целью французского командования было перебить жителей Египта, похитить их имущество, а их детей — обратить в рабство. Судя по контексту, шейхи писали в Стамбул в дни осады Акки, поскольку, как говорилось в письме, пока город держался, Бонапарт намеревался ублажать бдительность правоверных своими сладкими лживыми речами. После же взятия крепости он якобы собирался натравить одних мусульман на других, дабы истребить их полностью. Конечной же целью его нашествия являлся Хиджаз, со священными городами Мекки и Медины, где французы собирались сотворить столь же ужасные вещи, что в Египте и Палестине¹⁴⁹.

Разжигая пламя ненависти к французским захватчикам, османские власти одновременно стремились не допустить межконфессиональных столкновений и погромов своих подданных-христиан. В сохранивших-

¹⁴⁶ Кади аскер — верховный судья по военным и религиозным делам. С конца XV в. судебными вопросами в европейской части Османской империи ведал кади аскер Румелии, в азиатско-африканской — кади аскер Анатолии.

¹⁴⁷ *Asali K.J. Jerusalem under the Ottomans. P. 222.*

¹⁴⁸ *Ibid.*

¹⁴⁹ Документ сохранился в Национальной библиотеке имени святых Кирилла и Мефодия в Софии. Цит. по: *Ze'evi Dror. Ottoman Intelligence Gathering During Napoleon's Invasion of Egypt and Palestine // The Ottoman Middle East. Studies in Honor of Amnon Cohen / ed. Eyal Ginio and Elie Podeh. Leiden: Brill, 2014. P. 52.*

ся записях (сиджиллат) шариатского суда Иерусалима содержится ряд однотипных фирманов и других правительственных указов, касавшихся сирийских немусульман. Как османские столичные, так и провинциальные власти требовали от должностных лиц проявлять к зимми должное отношение, «поскольку покуда они платят джизью и не проявляют признаков измены, они сами и их монастыри должны быть защищены от народных притеснений»¹⁵⁰. Бейрутский летописец также отмечал веротерпимое отношение к христианам Ахмад-паши аль-Джаззара, в начале 1799 г. получившего в придачу к Сайдскому эялету наместничества в Тарабудусе и Дамаске. «Аль-Джаззар, — писал Абдаллах Трад, — ... будучи правителем Дамаска, Иерусалима и земель, относящихся к нему, а также владетелем Акки, Яффы, Сайды, Бейрута и принадлежавших им земель, не переставал направлять приказы во все концы и побуждал мусульман не притеснять христиан, подданных государя нашего Султана. Он пригрозил, что отомстит каждому, кто обидит христианина»¹⁵¹. «За это благое дело, — добавил православный хронист, — Всевышний вознаградил его победой над франками»¹⁵².

Меры предосторожности против потенциальной «пятой колонны» аль-Джаззар предпринял, только когда 20 марта французская армия подошла к Акке, где находилась его резиденция. В эти дни в городе оказался рабби Нахман (1772–1810), основатель брацлавского хасидизма, он пробирался на родину после сорвавшегося из-за войны паломничества. Рабби вспоминал, что 17 марта паша объявил, что «остается лишь два часа для тех, кто не может носить оружие, чтобы покинуть город морским путем, так как ворота уже были закрыты, и единственный выход оставался в сторону моря, а те, кто не уйдет, будут зарезаны мусульманами, поскольку те должны подготовить город к обороне и собираются перебить всех [нонкомбатантов], оставшихся внутри [стен]»¹⁵³. Приказ этот, завершал рабби Нахман, породил среди немусульман панику, поднялся страшный шум¹⁵⁴. До войны Акка была городом с преимущественно христианским населением, а зимми, согласно шариату, не имели права носить оружие. Одномоментно погрузиться на корабли они не могли, да и стоявшие в городской гавани суда были способны принять на борт максимум несколько сотен человек. Сирийские хроники не сообщают

¹⁵⁰ *Mannā Ādel. The Sijill as Source for the Study of Palestine P. 358.*

¹⁵¹ *Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 181–182.*

¹⁵² Там же. С. 182.

¹⁵³ Цит. по: *Schur N. Napoleon in the Holy Land. London: Greenhill books, 1999. P. 82–83.*

¹⁵⁴ *Ibid.*

Рынок в Акке. Художник Фрэнсис Б. Спилсбери. 1799 г.

Из книги «Живописные пейзажи Святой Земли и Сирии, описанные во время кампаний 1799 и 1800 гг.» Лондон: Edward Orme, 1803 г.

Из открытых источников

о последовавшей резне немусульман Акки, так что очевидно, что аль-Джаззар не стал сразу приводить свою угрозу в действие. Казни, если верить французским источникам, прошли только 30 марта, когда по подозрению в симпатиях к интервентам паша приказал убить около ста проживавших в городе христиан¹⁵⁵. Их тела были распиханы по ящикам от кофе и риса и выброшены в море. Часть ящиков волны вынесли обратно на берег¹⁵⁶. Мы можем лишь предполагать, насколько эта массовая казнь была методом устрашения христиан Акки, а насколько — попыткой предотвратить реально зреющую измену.

В дни осады Акки нелегко пришлось и христианам Дамаска. Враждебность местных мусульман стала нарастать с момента появления известий о французском вторжении в Египет¹⁵⁷ и достигла пика весной 1799 г. «Христиане подверглись тяжелым испытаниям, — жаловался дамасский летописец, — их дома были разграблены и им был причинен большой ущерб, однако Божьим промыслом все уладилось»¹⁵⁸. Главная опасность для зимми исходила от местных бандитов, попытавшихся

¹⁵⁵ В рапорте Директории Наполеон докладывал о двухстах казненных аль-Джаззаром христианах Акки (*Jonquière C. de la. L'Expédition d'Égypte. T. IV. P. 440*).

¹⁵⁶ *Schur N. Napoleon in the Holy Land. P. 89.*

¹⁵⁷ *Al-Dimashqī Mikhā'īl. Tā'rikh ḥawādis jarat bi-l-Shām wā sawāḥil Barr al-Shām wā-l-Jabal min sana 1197 ilā sana 1257 hijriya (1782–1841 masīhiya). Bayrūt: al-Maṭba'a al-kāthūlikiya li-l-'ābā' al-yaṣū'iyyīn, 1912. P. 9.*

¹⁵⁸ *Ibid. P. 10.*

воспользоваться моментом безвластия: Джаззар-паша был заперт в осажденной Акке, а дамасская армия, шедшая ему на выручку, 16 апреля разгромлена под г. Табор. В числе наиболее бесчинствовавших был некий 'Абид аль-Адхами, сплотивший вокруг себя группу молодчиков числом от 40 до 50 человек. Банда терроризировала дамаскинцев: без разбора мусульман и христиан¹⁵⁹.

Не облегчило положение христиан и прибытие в Дамаск летом 1799 г. первых османских частей из Румелии (европейской части Османской империи). Местный летописец¹⁶⁰ не жалел для них эпитетов: по его словам, это были «порочные жестокие люди, распутники и пьяницы»¹⁶¹. Низкий моральный облик румелийских солдат, не соответствующий нравственности правоверных мусульман, не помешал им проявлять агрессию по отношению к сирийским христианам, «оскорблять и унижать их»¹⁶². Поводом для придирок стал внешний вид зимми. В Дамаске «существовал древний обычай ношения кавуков¹⁶³: мусульманами — из белого муслина¹⁶⁴, христианами — из черного и темно-синего, евреями — из красного, все об этом правиле знали, и никто его не нарушал»¹⁶⁵. Однако на прибывших румелийцах также были надеты высокие конусовидные шапки кулбак (колпак) с прикрепленным к ним колокольчиком¹⁶⁶. Очевидно, кавуки дамасских зимми солдаты сочли слишком схожими со своими головными уборами. Под напором оскорблений и вымогательств дамасские христиане «сочли необходимым отказаться от облачения в кавук и стали носить шали серого, черного и темно-синего цвета, а евреи — красного»¹⁶⁷.

¹⁵⁹ *Ibid.*

¹⁶⁰ Автором хроники, скрывавшимся за подписью Михаила ад-Димашки (Михаила Дамаскинца), как доказала израильская исследовательница Фрума Захс, был османско-христианский историк, теоретик музыки и врач Михаил Мишака (1800–1888). (*Zachs F. Miha'il Mishaqa: The First Historian of Modern Syria // British Journal of Middle Eastern Studies. №28/1, 2001. P. 67–87; Zachs F. The Making of a Syrian Identity — Intellectuals and Merchants in Nineteenth Century Beirut. Leiden, 2005. P. 178–179*).

¹⁶¹ *Al-Dimashqī Mikhā'īl. Tā'rikh ḥawādis jarat bi-l-Shām. P. 11.*

¹⁶² *Ibid.*

¹⁶³ Кавук — высокий головной убор цилиндрической или конусовидной формы, вокруг которого повязывалась чалма.

¹⁶⁴ Муслин (от г. Мосул) — тонкая ткань полотняного переплетения из хлопка, реже — из шерсти, шелка или льна.

¹⁶⁵ *Al-Dimashqī Mikhā'īl. Tā'rikh ḥawādis jarat bi-l-Shām. P. 11.*

¹⁶⁶ *Ibid.*

¹⁶⁷ *Ibid.*

В Халебе христианам пришлось также понести материальные потери, связанные с нарушением предписанного шариатом скромного стиля одежды. Еще 3 февраля 1799 г. был издан указ, касавшийся ношения христианами красных клобуков (высоких шапок конусообразной, округлой или цилиндрической формы)¹⁶⁸. Эта традиция существовала давно и являлась не только привилегией, но и поводом взимать с зимми дополнительную подать, годовой размер которой составлял 4 тыс. пиастров¹⁶⁹. Однако новый вали Халеба Шариф-паша предписал им разово заплатить 9 тыс. курушей¹⁷⁰, поскольку, с горечью писал Йусуф 'Аббуд, «все окружение везира [Шариф-паши. — Т.К.] было ненасытно»¹⁷¹. Весной 1799 г., по мере приближения французской армии к его владениям, вали стал лихорадочно готовить войска для отражения нашествия. На это требовались немалые деньги, и собирались они правдами и неправдами. Как отмечал хронист, в апреле 1799 г. Шариф-паша «облагал пошлиной все, что поступало из Стамбула в Сирию, что ему было нужно, для отправления армии»¹⁷². Пришлось раскошелиться и христианским торговцам; от них потребовали заплатить 100 тыс. курушей под предлогом, что их контрагенты в Стамбуле — изменники¹⁷³.

Большой резонанс вызвал бедуинский рейд на прославленную православную обитель: лавру Святого Саввы¹⁷⁴. Максим Симский относил разграбление лавры к концу марта 1800 г.¹⁷⁵, однако более вероятно, что произошло это годом ранее, как указывал немецкий естествоиспытатель Ульрих Зеетцен, посетивший Палестину в 1806 г. Поводом для налета, писал путешественник, стало то, что мужчины из бедуинских племен, кочевавших к западу от Иордана, присоединились к Дамасской армии в походе против Наполеона. Воспользовавшись этим, племя *хаджайя* и другие номады Заиордания вторглись на Западный берег и разорили лавру; их отдельные группы достигали Иерусалима и Вифлеема. Племя *хтем*, с которым у монахов-савваитов был договор о защите, не могло

¹⁶⁸ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 297.

¹⁶⁹ Bodman H. Political Factions in Aleppo. P. 45.

¹⁷⁰ Кирш (мн.ч. куруш) — серебряная османская монета. Европейцы чаще называли его «пиастр».

¹⁷¹ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fi tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 297.

¹⁷² Ibid. P. 302.

¹⁷³ Ibid. P. 301.

¹⁷⁴ Лавра Святого Саввы — греческий православный монастырь на Западном берегу р. Иордан, на полпути между Вифлеемом и Мертвым морем.

¹⁷⁵ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 90–91.

оставить налет на «свою» территорию без последствий. Хтем перешли Иордан и обрушились на хаджайя, несколько кочевий было разорено, погибли женщины и дети. Хаджайя объявили хтем кровную месть¹⁷⁶.

Вторжение французских войск в Сирию привело к росту межконфессиональной напряженности в стране. В крупнейших городах — Дамаске и Халебе — зимми заставили соблюдать некоторые ограничения в одежде. В Иерусалиме около 1 тыс. паломников были превентивно помещены под стражу в Храм Гроба Господня. Отношение к немусульманам в целом ухудшилось, чему способствовала разошедшаяся информация о бесчинствах наполеоновской армии в Яффе, а также повсеместно нараставшие в условиях войны тяготы и воцарившаяся тревожная атмосфера. От мусульманских соседей сильно пострадали христиане Рамлы, радостно приветствовавшие французских солдат. Однако османская администрация придерживалась весьма взвешенной религиозной политики, не допуская погромов. Французские источники упоминают о совершенной по приказу аль-Джаззара казни сотни христиан в осажденной Акке, однако нам доподлинно неизвестно ни число жертв экзекуции, ни ее подлинные причины, ни даже имела ли она место на самом деле. Напротив, мы видим, что, разжигая огонь джихада против европейских захватчиков, османские власти и исламские духовные авторитеты выводили из-под удара восточных христиан. Это не мешало чиновникам использовать христианские общины и их богатых лидеров как один из источников пополнения денег, необходимых для ведения войны.

Сирийские христиане и французская армия

Различные этноконфессиональные группы Сирии воспринимали интервентов по-разному. Для большинства мусульман французы были «франками», которые вновь, с паузой в несколько столетий, попытались овладеть

¹⁷⁶ Seetzen J.U. Reisen durch Syrien, Palästina, Phönicien, die Transjordan-Länder, Arabia Petraea und Unter-Aegypten. 4 vols. Berlin: G. Reimer, 1854. Vol. III. P. 49. Цит. по: Schick R. Jordan at the Turn of the 18th–19th Centuries: Napoleon and the Wahhabis // Studies in the History and Archaeology of Jordan XIV. Culture in Crisis: Flows of Peoples, Artifacts, and Ideas. Amman: Department of Antiquities, 2022. P. 716.

землями ислама. Но республиканская армия мало походила на наследников средневековых крестоносцев. Османская пропаганда, пытаясь объяснить небывалый союз, заключенный султаном с христианскими монархиями России и Англии, делала акцент на «безбожии» их общих врагов — французских революционеров, отринувших Бога и превратившихся в «воинство шайтана»¹⁷⁷. Однако, судя по всему, эти идеи с трудом доходили до умов арабского простонародья. Даже в Дамаске — третьем городе империи по числу жителей — янычарский офицер Хасан-ага аль-'Абд (ум. 1826), не последний человек в местной иерархии, писал, что Египет подвергся нападению «французских христиан»¹⁷⁸. В дальнейшем он упорно продолжал называть республиканскую армию Бонапарта «христианами»¹⁷⁹, хотя и весьма четко отделял союзных Стамбулу европейцев от враждебных.

Восточные христиане же относились к вторгшейся французской армии двояко. Абдаллах Трад сообщал, что французов «боялись во всех сирийских областях вплоть до Алеппо и страшились их власти, ибо все знали их как безбожных еретиков»¹⁸⁰. Действительно, мы видим, что сиро-христианские хронисты называли установившуюся во Французской Республике идеологию «ересью» (араб. *гартака*), «горделивой верой», «дьявольским наущением»¹⁸¹, «неверием, безбожной верой» (араб. *куфр*), «отвратительным безбожием»¹⁸². О событиях Французской революции и последовавших войн сирийские христиане узнавали преимущественно от католических монахов и других сторонников Старого режима¹⁸³, которые успели, как отмечал российский консул в Бейруте К.М. Базили (1809–1884), «заблаговременно изобразить Бонапартово

¹⁷⁷ Кириллина С.А. Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике Восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.) // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 219–238.

¹⁷⁸ *al-'Abd Hasan-ağa. Tārīkh Ḥasan-āgha al-'Abd: qiṭ'a minhu. Ḥawādith sanat 1186 ilā sanat 1241 H* (История Хасан-аги аль-'Абда. Отрывок. События 1186–1241 гг. X) / ed. Na'īsa, Yūsuf Jamīl. Dimashq, 1979. P. 36–37.

¹⁷⁹ Ibid. P. 49–52, 54, 62.

¹⁸⁰ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 181. Вставки в редакцию рукописи, хранящуюся в Восточной библиотеке Университета Святого Иосифа в Бейруте, где после слова «все» добавлено «то есть мусульмане», а после «еретиков» — «по их утверждению», являются более поздними исправлениями, в которых переписчик стремился сместить акценты. См.: Константинопольский И.Г. Бейрутская летопись Абдалаха ибн Михаила Трада // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 154–158.

¹⁸¹ *'Abbūd Yūsuf Dimitrī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād*. P. 272.

¹⁸² *Al-Munayyir Ḥanāniyā. Kitāb al-ḥūrī Ḥanāniyā Al-Munayyir*. P. 448.

¹⁸³ Подробнее см.: Кобищанов Т.Ю. Бедный, бедный Людовик... Французская революция в сиро-ливанских хрониках // Французский ежегодник 2025. [В печати].

войско самыми отвратительными красками»¹⁸⁴. В результате большая часть представителей церковного клира искренне желала гибели армии Наполеона и отговаривала паству от ее поддержки. «Да избавит Бог нашу страну от нашествия этих безбожных ползучих гадов и да поможет Он народу египетскому», — писал маронитский клирик Джирджис Ганем своему патриарху Йусуфу VII Тийяну (1796–1809 гг.)¹⁸⁵. Никакого сочувствия не питало к захватчикам и местное православное духовенство. Игумен лавры Святого Саввы Неофит Кипрский, не скрывая удовлетворения, вспоминал, как эпидемия чумы «божественною косою выкосила их [вторгшихся в Сирию французов. — Т.К.] как колосья»¹⁸⁶.

Разумеется, те священники и монахи, кто оказался на оккупированной территории, внешне демонстрировали полное христианское смирение и человеколюбие. При подходе французов монастыри открывали свои ворота¹⁸⁷, предоставляли солдатам кров, вино и продовольствие, ухаживали за ранеными и больными, по словам Наполеона: «так, как могли бы заботиться сами французы». Например, после штурма Яффы раненые солдаты были размещены в близлежащем греко-православном монастыре, больные — в армянском и в католическом. «Число больных достигло 700, — вспоминал Бонапарт, — коридоры, кельи, дортуары, двор [францисканской обители] были забиты ими»¹⁸⁸. Впрочем, братья-минориты оказались не столь самоотверженны, как можно было ожидать от людей, вручивших себя Богу. После того, как среди французов проявились симптомы чумы, «монахи ордена Святой земли заперлись и не пожелали больше общаться с больными»¹⁸⁹. «Госпиталь был до такой степени покинут, — вспоминал Бонапарт, — что не хватало питания»¹⁹⁰. Не помогли ни угрозы, ни апелляция к христианским и гуманистическим ценностям. Отчаявшись, генерал-аншеф выслали миноритов в Иерусалим и Назарет.

¹⁸⁴ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 69.

¹⁸⁵ *La Révolution française et l'Orient. 1789–1989*. Paris: Cariscript, 1989. P. 267.

¹⁸⁶ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского. С. 30.

¹⁸⁷ Следует отметить, что сирийские монастыри радушно привечали и противников французов. Коммодор Сидней Смит (1764–1840) вспоминал о торжественном ужине в Акке, на котором присутствовали британские и османские офицеры, а также гражданские лица; прием этот проходил в христианском монастыре (*Howard E. Memoirs of Admiral Sir Sidney Smith*. L.: R. Bentley, 1839. T. 1. P. 158–159).

¹⁸⁸ *Бонапарт Наполеон*. Кампания в Египте и Сирии. С. 596.

¹⁸⁹ Там же. С. 597.

¹⁹⁰ Там же.

Бонапарт, посещающий жертв чумы в Яффе 11 марта 1799 года.
Художник Антуан-Жан Гро. 1804 г.
Из открытых источников

17 апреля, после битвы у г. Табор, францисканский монастырь Назарета распахнул ворота для расквартирования французских офицеров, в его кельях был устроен госпиталь для раненых и больных республиканских солдат. Насельники вступили в борьбу за спасение жизней и душ своих новых постояльцев, некоторые умирающие с благодарностью использовали возможность исповедоваться. По просьбе святых отцов Бонапарт согласился стать крестным новорожденного младенца. Гуманитарной миссией францисканцы не ограничились. По случаю разгрома мусульманской армии монахами были проведены благодарственные службы, на которых играл орган и распевался литургический гимн *Te Deum* («Тебя, Бога, хвалим»), в католической традиции исполнявшийся по большим праздникам¹⁹¹. Подчеркнем, что славословили французских республиканцев те самые католические монахи, которые до того демонизировали «безбожных еретиков».

Позднее францисканцы охотно делились своими подлинными чувствами. В 1800 г. настоятель-кустод Святой земли рассказывал британскому хирургу Фрэнсису Спилсбери: «Когда генерал Дюма¹⁹² с отрядом

¹⁹¹ Jonquière C. de la. L'Expédition d'Égypte. Т. IV. P. 425.

¹⁹² На самом деле, это был французский генерал Франсуа-Этьенн Дамà (1764–1828). Спилсбери перепутал его с другим генералом Александром-Тома Дюма (1762–1806), отцом знаменитого писателя Александра Дюма. А.-Т. Дюма покинул Египет 7 марта 1799 г.

французской армии оказался в нескольких лигах от Иерусалима, он отправил [гонца к Бонапарту], прося разрешения атаковать. Бонапарт ответил, что когда возьмет Акру, то явится лично и посадит дерево свободы на том самом месте, где страдал Христос; и что первый французский солдат, который погибнет при взятии Иерусалима, будет похоронен в Храме Гроба Господня¹⁹³. Можно представить себе ужас и отвращение монахов-францисканцев при мысли о подобном святотатстве.

Если клирики при встрече республиканских солдат выказывали лицемерное радушие, то христианское простонародье, судя по всему, неподдельно радовалось приходу французов. Это единогласно фиксировал целый хор летописцев, включая грекокатолического священника из Дейр аль-Камара Руфа'ила Карам аль-Химси (1730–1800)¹⁹⁴, кузена правящего эмира Горного Ливана Хайдара аш-Шихаби (1761–1835)¹⁹⁵, православного беirutца Абдаллаха Трада (последний, правда, осторожно оговорился, что так «считали мусульмане»)¹⁹⁶. Ни один из этих летописцев не оказался в зоне французской оккупации, но сомнений в их информированности у нас нет.

Ульрих Яспер Зетцен слышал в Палестине и Заиорданье множество стихов и песен, в которых описывалось французское вторжение. В одном из поэтических произведений некий «арабский бард» Шаммас, проживавший в Эс-Салте¹⁹⁷, призывал местных христиан незамедлительно встать на службу к Бонапарту. Язык этих виршей, отмечал Зетцен, «был настолько цветистым, что мусульмане или ал-муахидин [аль-мувахиддин — араб. «единобожники»] не могли понять их смысла»¹⁹⁸. Немецкий историк и археолог Роберт Шик сделал справедливый вывод, что, намеренно усложняя стиль поэмы и отказываясь переносить ее на бумагу, христиане утаивали свою нелояльность к османским властям¹⁹⁹. Однако важно учитывать еще одно обстоятельство. В конце XVIII в., спа-

¹⁹³ Spilsbury F.B. Picturesque Scenery in the Holy Land and Syria Delineated During the Campaigns of 1799 and 1800. London: G.S. Tregear, 1823. P. 69.

¹⁹⁴ Karāma Rufā'īl al-Ḥimṣī. Maṣādir tāriḥiya. Ḥawādiḥ Lubnān wa Sūriya min sanat 1745 ilā sanat 1800 [Исторические источники. События Ливана и Сирии с 1745 по 1800 г.]. Bayrūt, 1969. P. 157.

¹⁹⁵ al-Shihābī 'amīr Ḥaydar Aḥmad. Lubnān fī 'ahd al-'umarā' al-Shihābīyīn. Т. 1. P. 192.

¹⁹⁶ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 181–182.

¹⁹⁷ Эс-Салт — город на северо-западе Иордании в 30 км от ее столицы Аммана.

¹⁹⁸ Seetzen J.U. Reisen durch Syrien, Palästina, Phönicien, die Transjordan-Länder, Arabia Petraea und Unter-Aegypten. 4 vols. Berlin: G. Reimer, 1854. Vol. III. P. 49. Цит. по: Schick R. Jordan at the Turn of the 18th–19th Centuries. P. 716.

¹⁹⁹ Schick R. Jordan at the Turn of the 18th–19th Centuries. P. 716.

саясь от поборов Ахмад-паши, в Эс-Салт переехали около ста христиан из Назарета²⁰⁰. Вполне вероятно, что Шаммас являлся одним из переселенцев и имел личные причины ненавидеть аль-Джаззара и желать победы Наполеону.

Мы уже писали выше о том, как встретили французов христиане Рамлы. Аналогичный энтузиазм демонстрировали и обитатели Назарета, городка с населением примерно в 1 тыс. 250 человек: на 60% христианским и на 40% мусульманским. 23 марта 1799 г. Бонапарт приказал генералу Бертье обеспечить безопасность жителей Назарета от «арабов [бедуинов] или других воров»²⁰¹. 31 марта отряд под командованием генерала Ж.-А. Жюно (1771–1813) занял город. Сам Жюно расположился во францисканской обители при церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Местные христиане проявили неприкрытое воодушевление при появлении французов²⁰² и отправили в ставку генерал-аншефа делегацию, включавшую седовласых шейхов. Бонапарт описывал в мемуарах, насколько поразили его трое старейшин возрастом более 90 лет: «один из них имел 101 год от роду и представил ему [Наполеон любил писать о себе в третьем лице. — Т.К.] свое потомство до четвертого поколения. Главкомандующий пригласил его отобедать с ним. Этот старец не мог произнести и трех слов, не сопроводив их цитатой из Священного Писания»²⁰³. По своему обыкновению Наполеон одарил шейхов революционными трехцветными ментиками.

Впадая в явное преувеличение, Бонапарт вспоминал, что в его ставку прибыло несколько тысяч христиан из Назарета, Шафа-Амра, Сафада, они «являлись массами». «Радость этих христиан невозможно выразить, — писал он с гордостью, — после стольких веков угнетения они видели единоверцев!»²⁰⁴ Отметим, что Шафа-Амр являлся в ту пору преимущественно мусульманским городком. В дальнейшем, уже в Египте, шейх Шафа-Амра Йа'куб Хубайби командовал одной из рот «конных сирийских янычар», сформированных по приказу генерал-аншефа²⁰⁵. Что касается Сафада (Цфата), то в 1812 г. швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт (1784–1817) насчитал там

²⁰⁰ Steen E. van der. Near Eastern Tribal Societies during the Nineteenth Century: Economy, Society and Politics between Tent and Town. London: Equinox, 2013. P. 189.

²⁰¹ Jonquière C. de la. L'Expédition d'Égypte. T. IV. P. 328.

²⁰² Shur N. Napoleon in the Holy Land. P. 95.

²⁰³ Бонапарт Наполеон. Кампания в Египте и Сирии. С. 604–605.

²⁰⁴ Там же. С. 604.

²⁰⁵ Brégeon J.-J. L'Égypte française au jour le jour, 1798–1801. Paris: Perrin, 1991. P. 353.

600 домов, евреи жили в 150 из них, христиане — в 80–100²⁰⁶. Так что говорить о «массах» христиан не приходится: счет не мог идти на тысячи, скорее на сотни.

Но влекло сирийских христиан не только желание посмотреть на европейцев и «вести разговор о Библии, которую они знали лучше, чем французские солдаты»²⁰⁷. В прибытии западной армии они увидели возможность хорошо заработать. Во французском лагере под осажденной Аккой сирийские христиане устроили базар, который «отличался многолюдством и изобилием; они доставляли муку разных сортов, рис, овощи, молоко, сыр, живой скот, фрукты, фиги, сушеный виноград, вино»²⁰⁸. Арабские источники отмечали, что местные христиане приносили французам «вино и товары, за что брали у них много денег»²⁰⁹. Также провиант и алкоголь французам продавали евреи, в том числе уроженцы Сафада²¹⁰. Нам известен только один пример безвозмездной поставки: когда маронитский патриарх Йусуф Тиййан в ожидании исхода борьбы за Акку отправил французам несколько человек с грузом вина и другими дарами²¹¹. В сопроводительном письме Бонапарту патриарх подчеркивал, что делает это «из любви к нашим братьям-французам, а не к вам, кто преследовал католическую церковь»²¹². Этот случай был исключением. Ханания аль-Мунаййир, то ли возмущаясь алчностью единоверцев, то ли восхищаясь их коммерческой сметкой, вспоминал, что вино французам продавали по 130 курушей за кантар²¹³, а арак²¹⁴ — по 6 курушей за ратль. После ухода интервентов цены упали до 20 курушей за вино и 1¼ — за арак, т. е. в 5–6 раз²¹⁵.

Поставка алкоголя была столь выгодной, что христиане везли его с риском для себя через районы, контролировавшиеся османскими властями. Придворный летописец садразама Йусуфа Зийа-паши 'Иззет Хасан-эфенди ад-Дарендели зафиксировал, что дамасские солдаты не

²⁰⁶ Burckhardt J.L. Travels in Syria and the Holy Land. London: John Murray, 1822. P. 317.

²⁰⁷ Бонапарт Наполеон. Кампания в Египте и Сирии. С. 604.

²⁰⁸ Там же. С. 605.

²⁰⁹ al-Shihābī 'amīr Ḥaydar Aḥmad. Lubnān fī 'ahd al-'umarā' al-Shihābīyīn. T. 2. P. 263.

²¹⁰ Shur N. Napoleon in the Holy Land. P. 95.

²¹¹ Harik Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711–1845. Princeton, 1968. P. 203.

²¹² Ibid.

²¹³ Кантар — исламская объемно-весовая мерная единица. Состояла из 100 ратлей от 406 до 449,28 г в каждом.

²¹⁴ Ароматизированный анисом алкогольный напиток крепостью 40°–60°.

²¹⁵ Al-Munayyir Ḥanāniyā. Kitāb al-ḥūrī Ḥanāniyā Al-Munayyir. P. 470.

дали пройти христианам, которые «двигались издалека в землю Ханаанскую»²¹⁶, чтобы присоединиться к французам под Аккой²¹⁷. Ад-Дарендели писал, что они хотели «оказать помощь в осаде»²¹⁸, но поскольку их всего лишь развернули обратно, скорее всего, то были желавшие заработать на продаже еды и алкоголя. Эмир Хайдар Шихаб рассказал историю одного такого виноторговца-маронита²¹⁹ из Горного Ливана, схваченного мусульманами на бейрутском побережье. В Бейруте его посадили на большую грузовую лодку (шахтур), шедшую в Акку, где должны были предать суду Джаззар-паши. Но в море суденышко заметил британский корабль. Коммодор Смит, а он командовал кораблем, приказал узнать, о какой помощи отчаянно взывает человек на борту лодки. Христианин воспользовался выпавшим шансом и убедил коммодора, что может выступить посредником в переписке с эмиром Баширом Шихабом²²⁰. Обещание спасенный маронит выполнил, послание к эмиру доставил²²¹.

Помимо поставок продовольствия и алкоголя, сирийские христиане достаточно активно поступали на службу к французским генералам в качестве «толмачей, интендантов или секретарей»²²². Наполеон отмечал, что это были местные католики, «которые немного говорили на «лингва-франка» — итальянском жаргоне; они разъясняли солдатам все традиции их легенд, изобилующих суевериями»²²³. То, что присоединившиеся к французской армии христиане не знали итальянского и слабо владели *lingua franca*, свидетельствует, что они были не священниками или международными торговцами, а людьми более простого звания. Также генерал-аншеф упоминал о тайных агентах — христианах, евреях и мусульманах: одни были посланы им «в Дамаск, Алеппо и даже

²¹⁶ Ад-Дарендели использовал как нечасто употреблявшийся в османской административной практике термин *мухафаза* — регион, который требовалось защищать, так и совсем архаичный к тому времени топоним Ханаан, которым в Ветхом Завете называлась прибрежная полоса Сирии. Возможно, он цитировал реально звучавшие в то время среди христиан призывы.

²¹⁷ Ад-Дарендели 'Иззет Хасан-эфенди. Зийа-наме. Каир: Аль-Хай'а аль-Мысрийя аль-'амма ли-ль-китаб, 1999. С. 202.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Коммодор Сидней Смит уточнял, что христианин вез партию арака (Howard E. Memoirs of Admiral Sir Sidney Smith. Т. 1. P. 159).

²²⁰ *al-Shibābī 'amīr Ḥaydar Aḥmad*. Lubnān fī 'ahd al-'umarā' al-Shihābiyīn. Т. 1. P. 193–194.

²²¹ Howard E. Memoirs of Admiral Sir Sidney Smith. Т. 1. P. 159.

²²² *Бонапарт Наполеон*. Кампания в Египте и Сирии. С. 589.

²²³ Там же.

Вид Акры и корабля Е.В. «Ле Тигр». Художник Фрэнсис Б. Спилсбери. 1799 г. Из книги «Живописные пейзажи Святой Земли и Сирии, описанные во время кампаний 1799 и 1800 гг.» Лондон: Edward Orme, 1803 г. Из открытых источников

в Армению», другие — доставляли «чрезвычайно важные сообщения» из Малой Азии²²⁴.

Сирийские христиане выступали в роли как платных помощников, так и добровольных информаторов. Именно христиане отправили к Бонапарту гонцов предупредить, что из Дамаска вышла большая османская армия, встретившая корпус генерала Клебера у горы Табор. Если верить Никула ат-Турку, это были жители Назарета²²⁵, согласно Бертье — дамакинцы²²⁶. Генерал Бертье упоминал, что христианские осведомители сообщили о наличии складов в цитадели Тверии (Тиберии), занятой отрядом магрибинцев²²⁷. Эта информация оказалась критически важна. Тверия была захвачена, и Бонапарт вспоминал, что со времени сражения у горы Табор армия жила за счет продовольствия с этих складов²²⁸.

Следует отметить, что в Сирии французам поддержали не только местные христиане, но и некоторые мусульмане. Одним из первых при-

²²⁴ Там же. С. 605.

²²⁵ *El-Turk N*. Histoire de l'expédition française en Égypte. P. 111; *al-Turk Niqūlā ibn Yūsuf*. Dhikr tamalluk djumhūr al-Faransāwiyya. P. 94.

²²⁶ *Berthier L.-A*. The French Expedition into Syria, Comprising General Bounaparte's Letters with Gen. Berthier's Narrative and Sir Wm. Sidney Smith's Letters from the London Gazette. London: J. Ridgway, 1799. P. 49.

²²⁷ *Berthier L.-A*. The French Expedition into Syria. P. 71. Упоминание об этом: *Jonquière C. de la*. L'Expédition d'Égypte. Т. IV. P. 355.

²²⁸ *Бонапарт Наполеон*. Кампания в Египте и Сирии. С. 603.

соединился к Наполеону шейх 'Аббас аль-Дахер, сын прежнего властителя Галилеи Дахера аль-'Умара. Он привел с собой от 400 до 500 всадников. Переметнулся на сторону Бонапарта и шейх Мустафа Башир, отставленный аль-Джаззаром с должности правителя Сафада. Шииты-мутаваля Южного Ливана сурово притеснялись аль-Джаззаром; их лидер шейх Мане изъявил желание перейти под власть французов и был назначен правителем Тира, занятого колонной генерала Виалля. Однако во всех случаях то были представители элит, отстраненные от власти Ахмадом аль-Джаззаром, ненавидевшие его лично и действовавшие по принципу: «враг моего врага — мой друг». Что касается местных христиан, то ситуация была иная. Христианские религиозные лидеры относились к «безбожным» республиканцам преимущественно неприязненно; приветствовали же оккупантов простые члены общин.

Выжидательную позицию занял правящий эмир Горного Ливана Башир II Шихаб (суннит, тайно исповедовавший христианство). Эмир Башир не прерывал переписку с Наполеоном²²⁹ и получал от него дорогие подарки²³⁰, однако реальной поддержки не оказывал. Под впечатлением битвы при г. Табор эмиссары эмира тайно дали Бонапарту обещание выделить 12 тыс. горцев²³¹: 6 тыс. друзов и 6 тыс. маронитов — эта армия должна была поддержать французов в походе на Дамаск²³². При этом друзские шейхи открыто заняли проосманскую позицию. Патриарх Йусуф Тийян, которого Наполеон усердно заверял в своей преданности католической вере²³³, призвал маронитских шейхов собрать войска и держать их наготове²³⁴.

В борьбу за симпатии эмира Башира II и других лидеров маронитской общины включились британцы. Коммодор Сидней Смит писал эмиру: «Перед арабами Бонапарт хочет предстать мусульманином, похваляясь тем, что он разрушал церкви, разбивал распятия и низверг с престола Верховного Понтифика. Нет ничего удивительного в том, что горцам он говорит другое. Он дает обещания, но не держит их и отбрасывает всякую жалость, когда достигает своей цели... Что же касается

²²⁹ Jonquière C. de la. L'Expédition d'Égypte. Т. IV. P. 313.

²³⁰ Perrier F. La Syrie sous le gouvernement de Mehemet-Ali, jusqu'en 1840. Paris: A. Bertrand, 1842. P. 331.

²³¹ Bertrand H.G. Campagnes d'Égypte et de Syrie, 1798–1799. Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le general Bertrand. Т. 1-2. Paris: Au Comptoir des Imprimeurs-Unis, 1847. Т. 2. P. 90–92.

²³² Бонапарт Наполеон. Кампания в Египте и Сирии. С. 621–622.

²³³ Harik Ilya F. Politics and Change in a Traditional Society. P. 203.

²³⁴ Ibid.

нас, — продолжал английский флотоводец, — то мы — люди благородного происхождения и христианской веры. Наша политика состоит в том, чтобы бороться с угнетателями и поддерживать угнетенных»²³⁵. В качестве доказательства Смит присовокупил к письму экземпляр прокламации Наполеона к мусульманским богословам Каира, содержащей соответствующие высказывания.

Провал мобилизационных планов Бонапарта был одной из причин бесславного окончания Сирийского похода²³⁶. К третьей декаде мая Наполеону стало очевидно, что взять Акку с имевшимися у него силами невозможно. Генерал-аншеф начал готовиться к отступлению в Египет. Встал вопрос, что делать с жителями, проявившими лояльность к французам. При оставлении Рамлы и Лидды планировалось раздать оружие местным христианам. Адъютант Пьер Грезье (1755–1799) получил приказ предоставить им все необходимое для самообороны и защиты имущества²³⁷. 18 мая Бертье передал генералу Жюно приказ генерал-аншефа «собрать всех жителей Назарета, которые хотят уйти вместе с нами»²³⁸. Так же предполагалось поступить и с населением Шафа-Амра.

Нам неизвестно, сколько сирийцев ушло вместе с французами в Египет, очевидно, их было немного: максимум несколько сотен. Формируя в Каире две роты «конных сирийских янычар» по 95 солдат и 6 унтер-офицеров в каждой, Бонапарт включил в них и тех, кто давно обосновался в Египте; командовать одной из рот было поручено торговавшему в Каире дамаскинцу Йусуфу Хамави²³⁹. Очевидно, что в числе сирийских беженцев были и христиане, но в дальнейших событиях они себя ярко не проявили, и упоминаний о них осталось крайне мало.

Вывод об амбивалентном отношении сирийских христиан к французской армии является справедливым, если говорить об общинах в целом, но неверным на уровне более глубокого социального анализа. Мест-

²³⁵ Howard E. Memoirs of Admiral Sir Sidney Smith. Т. 1. P. 159.

²³⁶ Подробнее см.: Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире. С. 197–201; Жантисев Д.Р., Кириллина С.А. Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта. С. 136–143.

²³⁷ Jonquière C. de la. L'Expédition d'Égypte. Т. IV. P. 292–293.

²³⁸ Ibid. P. 537.

²³⁹ Brégeon J.-J. L'Égypte française au jour le jour. P. 353.

ные церковные элиты воспринимали носителей идей Французской революции крайне негативно, хотя, сталкиваясь с республиканскими солдатами, демонстрировали приличествующие служителям Бога кротость и смирение. Что же касается не столь искушенного в идеологии сиро-христианского простонародья, то оно преимущественно демонстрировало радость от прихода европейских военных. Это зафиксировали как арабские хронисты, так и французские генералы и офицеры. Христиане, очевидно, составили большую часть торговцев, обеспечивавших захватчиков алкоголем и съестными припасами. Также некоторые христиане присоединились к наполеоновским войскам в роли переводчиков и снабженцев, доставляли донесения и доносили информацию. При этом нам не известно ни об одном случае, когда бы сирийские христиане влились в боевой состав французской армии либо как-то иначе выступили с оружием в руках. Единственной значимой местной силой, способной оказать действенную поддержку французам, было маронитское ополчение во главе со своими шейхами. Однако и эмир Башир II Шихаб, и зависимый от него маронитский патриарх Йусуф Тийян не спешили прийти на помощь Бонапарту, выжидая, чем окончатся события. Закончились они бесславым отступлением французов в Египет.

Христианские общины Сирии после ухода французской армии. Июнь 1799 г. — август 1801 г.

«И было ликование во всех сирийских областях»²⁴⁰ — так описывал бейрутский хронист реакцию земляков на известие об отступлении французов от Акки. Радовались не только мусульмане, но и зимми — у многих из них появилась надежда, что восстановится привычное течение жизни, прерванное иностранным вторжением. Но война продолжалась, и до ее окончания тех христиан, кто пытался вернуться в свои дома, «мусульмане Бейрута прогоняли из города, опасаясь прихода франков»²⁴¹.

Положение усугублялось тем, что оборона серьезно подорвала материальные ресурсы сайдского наместничества. Аль-Джаззару требовались значительные средства для набора и содержания новых наемников; к его владениям приближалась армия садразама Йусуфа Зийя-паши, с которым у вали сложились неприязненные отношения. Ахмад-паша

²⁴⁰ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 182.

²⁴¹ Там же. С. 184.

Процессия в Яффе. Художник Густав Бауэрфайнд, 1890 г.
Из открытых источников

стал спешно пополнять казну при помощи нового управляющего — шейха Таха аль-Курди. Шейха и приближенных к нему курдов хронист именовал «жестокими, порочными и безбожными людьми», которые «угнетали и мусульман, и христиан, без жалости подвергая адским пыткам арестованных должников»²⁴². Оживились доносчики. Один из них, «бейрутский христианин Йусуф ат-Туайни отправился к аль-Джаззару, подал ему список имен некоторых христиан и навлек на них поборы, которые они были вынуждены заплатить»²⁴³.

Реагировали на притеснения христиане Бейрута по-разному. У кого была возможность, уехали к родственникам в Стамбул и на Эгейское побережье. Другие попытались воспользоваться связями с представителями власти, «чтобы они помогли понизить требуемые с них суммы»²⁴⁴. «Бедняки же и неимущие, — писал летописец, — пришли в бейрутские сады, а некоторые из них со страхом, унижением и оскорблениями вошли в город. Они искали убежища и милости у влиятельного тюфенкджи-баши города аль-Хадж Йахья аль-Маджзуба»²⁴⁵. Он был добрым

²⁴² Там же. С. 185–186.

²⁴³ Там же. С. 185.

²⁴⁴ Там же. С. 184.

²⁴⁵ Аль-Хадж Йахья аль-Маджзуб («одержимый») — одабаши Бейрута. Одабаши — младший военный чин, означавший «начальник казармы» или «помощник командира» янычарской орты. В составе вооруженных сил Джаззар-паши не было яны-

человеком и обещал им безопасность. Благодаря его авторитету большинство христиан вернулись в Бейрут и пользовались спокойствием при нем»²⁴⁶. Покровительство это продолжалось недолго. В 1800 г. аль-Джаззар потребовал от аль-Хаджа Йахьи выплатить 100 тыс. пиастров, после чего приказал арестовать одабаши и конфисковать его имущество. Аль-Маджзубу удалось бежать в Джубейль, где он вскоре умер²⁴⁷. Отсутствие христианских торговцев подрывало экономику Бейрута, и через некоторое время аль-Джаззар «отправил ушедшим в Горный Ливан милостивый приказ, чтобы они возвратились и получили обратно свои дома. После этого вернулись и остальные христиане»²⁴⁸, в том числе уехавшие в другие провинции империи.

На сравнительно толерантное отношение Ахмад-паши могли повлиять слова и действия его союзника в обороне Акки коммодора Сиднея Смита. Летом 1812 г. Иоганн Людвиг Буркхардт записал, что христиане Назарета были убеждены, что аль-Джаззар отдал приказ перебить их, равно как и их единоверцев в Иерусалиме за оказанную французам помощь. Спас назарян якобы коммодор Смит, пригрозивший аль-Джаззару бомбардировкой Акки в случае, «если будет отрублена хоть одна христианская голова»²⁴⁹.

Насколько реальны были угрозы сайдского правителя? С одной стороны, в биографии аль-Джаззара был подобный пример: в 1776 г. он обрушился на христиан Бейрута, обвиненных в сотрудничестве с занявшими город российскими войсками (октябрь — декабрь 1773 г.). Летописец упоминал, что признанных виновными в коллаборационизме вешали, сажали на кол и вздергивали за продетый через ребра крюк. На богатых членов общины была наложена денежная контрибуция²⁵⁰. С другой стороны, у нас нет никаких документальных подтверждений, что в 1799 г. Ахмад-паша готовил погром христиан Назарета. Акку от Назарета отделяет менее 40 км, 8 часов пути. Скорее всего, если бы сайдский вали действительно планировал подобную карательную операцию, то Сидней Смит узнал бы о ней только постфактум.

чар, поэтому при наименовании их командиров могли использоваться различные звания и должности. Йахью аль-Маджзуба хронист называет тюфенкджи-баши (осм. «глава артиллеристов/стрелков»), поскольку ему непосредственно подчинялись артиллерийские расчеты в башнях городской цитадели.

²⁴⁶ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 184.

²⁴⁷ *al-Shibābī 'amīr Haydar Ahmad*. Lubnān fī 'ahd al-'umarā' al-Shihābiyīn. Т. 1. Р. 205.

²⁴⁸ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 185.

²⁴⁹ *Burckhardt J.L. Travels in Syria and the Holy Land*. Р. 340.

²⁵⁰ Трад Абдаллах. Краткая история епископов. С. 104.

Что касается более удаленного от Акки Иерусалима, то до лета 1799 г. он лишь формально находился под властью аль-Джаззара, а после был забран у него вместе с Дамасским пашалыком. Ахмад-паша вряд ли рискнул бы своевольничать в соседней провинции, когда к Сирии приближалась армия садразама. Тем не менее Максим Симский с явным облегчением написал, что 3 июня 1799 г. в Иерусалим вошел османский отряд численностью 1 тыс. 200 человек «для защиты города главным образом от местных Сарацин [мусульман. — Т.К.]; ибо слух о великих наших и невыносимых бедствиях дошел до ...султана»²⁵¹.

Наиболее вероятно, что рассказ о предотвращенном погроме стал искаженной через многократную передачу из уст в уста и раздувшейся за многие годы историей о посещении Святой земли коммодором Смитом. В начале ноября 1799 г. Смит с разрешения садразама и в сопровождении эскорта из 400 османских солдат совершил паломничество в Иерусалим²⁵². В город англичане вступили с оружием и в военной форме, чего с европейцами не случалось со времен Крестовых походов. Установив на флагштоке во францисканском монастыре развернутый британский флаг, коммодор символически обозначил протекцию короля Георга III (1760–1820) над Кустодией Святой земли. Помимо подарков от местных османских властей (паши, муфтия, аги яньчар) коммодор получил дары и от греческого и армянского архиепископов²⁵³. Архимандрит Максим Симский оставил воспоминания о визите Сиднея Смита, которого он называл «Измит-Еглег»²⁵⁴, кавалер Большого Креста»²⁵⁵. Он отметил как любезный прием, оказанный британцу мутасаллимом Иерусалима, так и нежелание коммодора вмешиваться в распри францисканских и святогробских монахов: «он сказал, ...что не следует нам ссориться друг с другом и наполнять деньгами кошельки Сарацин [мусульман. — Т.К.]»²⁵⁶.

Действительно, османо-французская война на Ближнем Востоке привела к изменению баланса сил в борьбе христианских конфессий за обладание Святыми местами. Незадолго до визита Смита в Святой город, в конце октября 1799 г., находившийся в свите садразама глава корпорации армянских менял — *саррафов* Киркор совершил паломничество в Иеру-

²⁵¹ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 89.

²⁵² *Howard E. Memoirs of Admiral Sir Sidney Smith*. Т.1. Р. 301.

²⁵³ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 906. Л. 14–15 об.

²⁵⁴ Еглег — вероятно, искаженное *ингулиз* — *араб./осм.* «англичанин».

²⁵⁵ Максим Симский. Продолжение истории патриархов. С. 90.

²⁵⁶ Там же.

салим из Яффы, где располагалась османская ставка²⁵⁷. Его сопровождали 400 единоверцев. Армянский патриархат Иерусалима решил использовать визит, чтобы добиться важных для общины привилегий. Под предлогом чествования своего высокопоставленного единоверца армяне обратились к православным за разрешениями: сперва разово отслужить обедню на Голгофе, потом — в Священной пещере Вифлеема и наконец — повесить на Голгофе серебряную лампаду²⁵⁸. Во всех просьбах святогробцы отказали, «боясь, как бы дозволенное не стало потом законом»²⁵⁹. Армянский патриарх решил апеллировать к великому визирю. Православные летописцы отмечали, что в конце 1799 г. армяне «издержали большие деньги»²⁶⁰, но конкретного результата не добились, поскольку Зийя-паша с войском ушел в Египет. Вторичное обращение состоялось после того, как разгромленный садразам вернулся в Сирию и, лишившись почти всей армии и казны, находился в затруднительном положении. В начале июня 1800 г. в его ставку в Яффе прибыл армянский Иерусалимский патриарх Бедрос Евтодияци (1793–1800 гг.). «Ему помогали обстоятельства, лица, окружавшие сарафа, отчасти сам визирь, а также золото»²⁶¹, — писал Максим Симский. «Много золота», — уточнял наместник православного Иерусалимского патриарха Прокопий Назианзин (1776–1822)²⁶². Подкрепленные взятками жалобы произвели нужный эффект. Йусуф Зийя-паша дал армянской общине разрешение «беспрепятственно и свободно совершать свое обычное богослужение во всех общих местах поклонения ...как внутри Иерусалима, в храме, так и вне Иерусалима, в Вифлееме и Гефсимании»²⁶³. Документ был выдан тайно. Осторожный Йусуф-паша опасался скандала, который могли поднять в Стамбуле дипломаты союзной России.

Неофит Кипрский, взывая к сочувствию, писал: «На нас напала бесконечная грусть, так как у нас не было денег, чтобы противодействовать, и мы раньше были ограблены и не могли смилостивить агарян [мусульман. — Т.К.]»

²⁵⁷ Там же. С. 89.

²⁵⁸ Голгофа, являющаяся частью Храма Гроба Господня, делится на два нефа (придела): православный и католический. Армянская церковь предметами богослужбной утвари на Голгофе не обладает.

²⁵⁹ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского. С. 31.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. С. 92.

²⁶² *Прокопий Назианзин Арабглу*. Попираемый Иерусалим. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX в. // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 183.

²⁶³ *Прокопий Назианзин Арабглу*. Попираемый Иерусалим. С. 182.

рассерженных Наполеоном»²⁶⁴. Благодаря помощи Энрико Франкини, русского агента при ставке садразама, православным удалось отстоять свои позиции в святынях: Йусуф Зийя-паша отменил свое прежнее решение и уничтожил фирман²⁶⁵. После этого армянский патриарх Бедрос, злобно писал Прокопий Назианзин, «не будучи в состоянии перенести стыд и позор, заболел от огорчения и испустил свою нечестивую душу»²⁶⁶.

Через несколько месяцев Порты, нуждавшаяся в деньгах на сбор новой армии, вновь обратила внимание на монашеские общины Иерусалима. Вероятно, в окружении садразама сочли, что с обнищавшей Кустодии уже нечего брать, поэтому в ставку Йусуф-паши в Яффу в середине октября 1800 г. были вызваны только греческий и армянский наместники с драгоманами. Из несколько путаного описания Максима Симского можно сделать вывод, что с обеих общин было затребовано 500 тыс. пиастров; «в виду слез и просьб»²⁶⁷ удалось снизить эту сумму вдвое, но через некоторое время садразам и новый иерусалимский мутасаллим Мехмед-хаджи потребовали доплатить до изначальной величины. «Так как наш монастырь не имел такой суммы, — жаловался Максим Симский, — он должен был занять деньги под большие проценты; продали лампы и другие серебряные и золотые сосуды Пресвятого гроба и едва набрали нужную сумму»²⁶⁸.

Не наступило спокойствия и в крупных городах Сирии. Хроника Йусуфа 'Аббуда досконально зафиксировала жалобы халебских христиан на поборы, которым они подвергались во время войны. В последних числах сентября 1799 г., выступая в поход в Египет во главе отряда местных янычар²⁶⁹, их глава Ахмад-ага Хомса потребовал от христиан собрать 3530 ратлей воска из церквей²⁷⁰. Не удовлетворившись этим, он заставил жителей христианских кварталов снабдить янычар зерном, а когда узнал, что

²⁶⁴ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского. С. 32.

²⁶⁵ См.: *Кобищанов Т.Ю.* Война Энрико Франкини: русский агент в османском походе на Египет (1799–1800) // Исторический вестник. № 48. Паладины Российской империи. М., 2023. С. 111–112.

²⁶⁶ *Прокопий Назианзин Арабглу*. Попираемый Иерусалим. С. 183.

²⁶⁷ *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. С. 92.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ *Al-Gazzī Kāmīl ibn Hussain*. Kitāb nahr al-thahab fī tarikh Ḥalab. Ḥalab: al-Matba'a al-Marūniyya. Т. III, 1926. Р. 315. В соответствии со сведениями, полученными Спенсером Смитом от раис-эфенди, Порты мобилизовала на войну в 1799 г. 5 тыс. халебских янычар. Йусуф 'Аббуд писал о 7-тысячном отряде (*Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī*. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdad. Р. 306.), а французский консул в Халебе Шарль Шодерло указывал, что в поход выступило от 8 до 10 тыс. янычар, вследствие чего в городе их осталось 3 тыс. 600 (*Bodman H.* Political Factions in Aleppo. Р. 62).

²⁷⁰ *Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī*. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdad. Р. 306.

Янычары. Неизвестный художник. Иллюстрация из Codex Vindobonensis 8626, fol 13. Австрийская национальная библиотека. Вена.
Из открытых источников

оно пропало по дороге, приказал сделать это вторично. Зерно забирали из *ханов* (центров оптового хранения), у богатых представителей общины и у простых ремесленников²⁷¹. При этом между различными христианскими общинами Халеба не было единого мнения о том, как они должны платить властям: совместно или по отдельности. Грекокатолики считали справедливым, чтобы каждая община платила за себя, а марониты настаивали, чтобы средства собирались со всех христиан разом²⁷². Это давало возможность маронитам внести меньше в расчете на то, что их более многочисленные и богатые земляки покроют недостающую сумму.

Помимо официальных выплат были случаи индивидуальных вымогательств, а также штрафы, которые налагались на жителей христианских кварталов, например, в случае обнаружения там арака²⁷³. Йусуф 'Аббуд весьма эмоционально описывал один из таких эпизодов, непосредственным участником которого он стал. Янычары вломилась в дом христианина Антуна Таджиря и не выходили оттуда до двух часов ночи, требуя, чтобы тот выдал им своих единоверцев Йусуфа аль-Хумси и Джирджиса Митра. Нападением руководил племянник Ибн Нассара, одного из ли-

²⁷¹ Ibid.

²⁷² Ibid. P. 307.

²⁷³ Ibid.

деров янычарской группировки. Дядя запретил ему своевольничать, поэтому молодой мусульманин с приданной ему группой поддержки повел на «разборки» захваченных сына аль-Хумси и Йусуфа 'Аббуда — автора хроники. Записанный летописцем последовавший диалог звучит будто из фильмов Фрэнсиса Форда Копполы или Мартина Скорсезе: «Нас привели в кофейню аль-Баххи, куда пришел хаджи Ибрахим [аль-Харбали, еще один авторитетный лидер халебских янычар. — Т.К.]. И он сказал мне: “Где Джирджис Митра?”, про которого стало известно, что он уехал в Килис. Я ему ответил: “Не знаю”. Он сказал: “Я хочу задать ему один вопрос” ...Я сказал ему: “Если я пойду и найду его дома, может, он мне и ответит”. Он [хаджи Ибрахим] поклялся, что он не скажет ничего, что могло бы его огорчить. Мы вернулись, и эти люди пошли с нами. Я вошел к Джирджису и привел его»²⁷⁴. На следующий день Йусуф аль-Хумси и Джирджис Митра отдали вымогателям 140 курушей, собрать которые помогла им община.

Читая христианские хроники, может создаться впечатление, что только немусульмане страдали от поборов и вымогательств властей, должны были нести на себе весь груз выплат на сбор, снабжение и снаряжение войск. Это было не так, однако тяготы соседей-мусульман христиан интересовали мало. Показательна реакция Йусуфа 'Аббуда, когда в апреле 1800 г. вали Ибрахим-паша Каттар-агаси потребовал с города 400 кошелек²⁷⁵, из которых на долю христиан пришлось 80 (т.е. 20%, что примерно соответствовало их удельному весу в населении Халеба). Христиане с трудом, за месяц, но собрали искомую сумму, «что же касается мусульман, то Бог знает сколько с них взяли»²⁷⁶, — отмечал летописец, демонстрируя не только свое незнание, но и безразличие.

Йусуф 'Аббуд описывал радость, которая воцарилась в Халебе весной 1800 г. при известии, что мир с французами достигнут и жизнь вернется в привычную колею²⁷⁷. И печаль, охватившую горожан, когда они узнали о возобновлении боевых действий, о том, что их ждут новые ограничения, поборы и лишения. Но настоящий вопль горя вырвался у Йусуфа 'Аббуда, когда в августе 1800 г. вышло повеление выступить в поход четырехтысячному отряду халебских шарифов²⁷⁸.

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ Кошелек (*kuše*) — мера счета денег, равная 500 курушам.

²⁷⁶ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 307.

²⁷⁷ Ibid. P. 310.

²⁷⁸ *Al-Gazzī Kāmīl*. Kitāb nahr al-thahab. P. 315. Опираясь на ряд других источников, Герберт Бодман указывал, что отряд состоял из 5–6 тыс. шарифов (*Bodman H. Political Factions in Aleppo*. P. 120).

Влияние местной корпорации потомков Пророка превосходило таковое в любом другом крупном городе империи. На основе анализа различных источников Герберт Бодман предположил, что в Халебе проживало около 12 тыс. шарифов, из них тысячи четыре составляли взрослые мужчины, главы семейств²⁷⁹. Большая их часть была хотя бы мало-мальски образованна, что выгодно выделяло эту группу на фоне практически тотально неграмотных янычар. К шарифам принадлежали почти все халебские 'улама, однако немало среди них было и городской бедноты: мелких ремесленников, поденных рабочих, носильщиков и пр.²⁸⁰ Малоимущая и люмпенизированная часть шарифского корпуса испытывала внутренний диссонанс из-за убогости своего существования, с одной стороны, и гордости за текущую в их венах кровь Пророка, — с другой. Это влекло за собой крайнюю религиозную нетерпимость²⁸¹. Особую неприязнь вызывали у бедняков-шарифов богатые христиане. Источники XVIII в., отмечал Бодман, полны случаев, когда шарифы обвиняли зимми в проявленном к ним неуважении, преподнося эти инциденты как оскорбление «дома Посланника Аллаха» и ислама в целом²⁸².

Несмотря на присущую халебским шарифам боевитость, их готовность к походу очевидно была ниже, чем у янычар. Приобрести снаряжение, обмундирование и продовольствие шарифы решили за счет горожан, включая столь презируемых ими «неверных». Накыб аль-ашраф Мухаммад Кудси-эфенди распределил между членами корпорации городские кварталы, христианский достался некоему Ибн Халласу. «С этого момента, — писал Йусуф 'Аббуд, — начались вымогательства и насилия. И начали они [шарифы. — Т.К.] тревожить церковь и наш квартал, и квартал евреев, и [другие] места, где ранее не было притеснений, где никто ничего не брал, и никто не слышал никаких предостережений. И эта пыль разбойничья творила в кварталах все, что желала, включая угрозы и побои, побои и вымогательства»²⁸³. Подчиненные Ибн Халласа «крутились везде, изымая силой и угрозами», не давая покоя христианам, — жаловался хронист, — даже ночью: в дома двух жителей квартала стреляли, а в двери дома другого били «железом так, что ему показалось, что ломают дверь, чтобы его убить»²⁸⁴. Напуганные христиане собрали 1 тыс. 200 курушей.

²⁷⁹ Bodman H. Political Factions in Aleppo. P. 97.

²⁸⁰ Ibid.

²⁸¹ Ibid. P. 98.

²⁸² Ibid.

²⁸³ 'Abbūd Yūsuf Dimitrī al-Ḥalabī. Al-Murtād fī tā'rikh Ḥalab wā Baghdād. P. 315.

²⁸⁴ Ibid. P. 315–316.

Описанные тревожения христиан выглядят надуманными на фоне случившегося полвека спустя погрома в Халебе и тем более — Дамаской резни 1860 г. Однако столь эмоциональная реакция демонстрирует, насколько сирийские немусульмане были шокированы нарушением их прав «покровительствуемой» общины. Случившиеся нападения, угрозы, стрельба по домам, попытка выломать двери далеко выходили за рамки привычных норм сосуществования этноконфессиональных групп османского города. И кажущаяся ничтожность происшествий не должна заслонять от нас факт, что это были первые искры пожара, которому еще предстояло запылать на Ближнем Востоке.

Из всех областей Большой Сирии наиболее серьезный политический кризис после ухода французов разразился в Горном Ливане. Разгневанный нелояльной позицией эмира Башира, аль-Джаззар направил против него военную экспедицию в 10 тыс. солдат. Это войско должно было передать пост эмира сыновьям предыдущего правителя Йусуфа Шихаба (1770–1790), также тайного христианина. В реальности же от имени сыновей эмира Йусуфа выступал маронит Джирджис Баз, член феодального рода аль-Хури, женатый на представительнице влиятельнейшей единой верной семьи аль-Хазин. Дядя и кузен Джирджиса База — соответственно Са'ад и Гандур аль-Хури — служили управляющими делами эмира Йусуфа, сам Баз — на той же должности при его сыновьях. Окружение База состояло практически исключительно из христиан, ядром его армии были силы маронитских шейхов. О поддержке База заявил и патриарх Йусуф Тиййан. Таким образом междоусобная война в Ливане вышла на новый этап, в котором маронитская община впервые заявила о претензиях на доминирующее положение²⁸⁵.

Уход Наполеона у большей части сирийцев вызвал радость, но не принес облегчения. Война продолжалась, и Сирия оставалась важной базой мобилизации османских войск и ресурсов, что обескровливало страну. Кроме того, французское вторжение привело к изменению баланса сил, деформации отношений зависимости и покровительства. Вопреки опасениям (или ожиданиям) многих, победа мусульман не стала часом расплаты для

²⁸⁵ См.: Harik Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society. P. 180–199; Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире. С. 137–139.

местных зимми. Христианские хроники полны сетований на страдания единоверцев, но поборам властей и военных подвергались представители всех общин. По окончании войны беirutским христианам разрешили вернуться в их дома, религиозные погромы не прошли ни в Назарете, ни в Иерусалиме, и даже злоключения Йусуфа 'Аббуда и его окружения выглядят незначительными происшествиями на фоне подлинных трагедий. Но вторжение европейцев не прошло для сирийцев бесследно, хотя внешне казалось, что жизнь возвращается в прежнюю колею. Ускорился слом шариатской системы этноконфессиональных отношений, в XV–XVI вв. адаптированной османскими султанами-создателями великой «Богохранимой» империи. Мусульмане увидели в христианах пособников интервентов, христиане почувствовали первый реальный шанс сбросить мусульманское владычество. Проявился раскол между церковными элитами, неприязненно относившимися к французским революционерам, и их паствой, радостно приветствовавшей интервентов. Обострилась борьба за обладание Святыми местами Палестины. В Горном Ливане маронитская община впервые стала претендовать на власть. Все эти факторы будут нарастать на протяжении последующих десятилетий и приведут Сирию к межконфессиональному взрыву в середине XIX в.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Жантiev Д.Р., Кириллина С.А. Французская политика в отношении христиан Египта и Сирии во время Восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801 гг.). В сб.: *Французский ежегодник 2019. Т.52: Эпоха Наполеона и память о ней*. М., 2019. С. 128–147.
Zhantiev D.R., Kirillina S.A. French policy towards Christians in Egypt and Syria during Bonaparte's Eastern Expedition (1798–1801). In: *French*

Yearbook 2019. Vol. 52: The Age of Napoleon and Its Legacy. Moscow, 2019. P. 128–147 (In Russ.).

2. Кириллина С.А. Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике Восточной экспедиции Бонапарта (1798–1801). В сб.: *Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время*. Москва, 2017. С. 219–238.
Kirillina S.A. Bunabardi Pasha and the «Army of Shaitan»: Islam in the Politics of Bonaparte's Eastern Expedition (1798–1801). In: *French Yearbook 2017: France and the Mediterranean in Modern and Contemporary Times*. Moscow, 2017. P. 219–238 (In Russ.).
3. Кобищанов Т.Ю. Преодолевая старые обиды: османский путь к подписанию союзного договора с Россией в 1798 г. *Электронный научно-образовательный журнал (ЭНОЖ) «История»*. 2020;11(98):1:1–30. URL: <https://sochum.ru/s207987840010438-0-1/?ysclid=mgqkq4yuyg860387167>
Kobishchanov T.Yu. Overcoming old grievances: the Ottoman path to signing an alliance treaty with Russia in 1798. *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2020;11(98):1:1–30. URL: <https://sochum.ru/s207987840010438-0-1/?ysclid=mgqkq4yuyg860387167> (in Russ.).
4. Кобищанов Т.Ю. *Христианские общины в арабо-османском мире. (XVII – первая треть XIX в.)*. М.: Доброе слово, 2003. 291 с.
Kobishchanov T.Y. *Christian communities in the Arab-Ottoman world. (XVII – the first third XIX century.)*. Moscow: Dobroe slovo, 2003. 291 p. (In Russ.).
5. Константинопольский И.Г. *Бейрутская летопись Абдаллаха ибн Мухаила Трада. Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока*. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 150–161.
Constantinopolsky I.G. *The Beirut Chronicle of Abdallah ibn Mikhail Trad. Christian Arabs in the history and literature of the Middle East*. Moscow: Izdatelstvo PSTGU, 2013. P. 150–161 (In Russ.).
6. Панченко К.А. *Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия, 1516–1831*. М.: Индрик; 2012. 656 с.
Panchenko K.A. *Middle Eastern Orthodoxy under Ottoman rule. The first three centuries, 1516–1831*. Moscow: Indrik, 2012. 656 p. (In Russ.).
7. Asali K.J. Jerusalem under the Ottomans 1516–1831 AD. In: *Jerusalem in History* / Ed. by K.J. Asali. New York: Olive Branch Press, 1990. P. 200–227.
8. Cohen A. Ottoman Rule and the Re-Emergence of the Coast of Palestine. *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. 1985;39:163–175.

9. Domani Beshara. *Rediscovering Palestine: Merchants and Peasants in Jabal Nablus, 1700–1900*. Berkeley: University of California Press, 1995. 340 p.
10. Goffman D. *The Ottoman Empire and Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 273 p.
11. Heyberger B. *Les Chrétiens du Proche-Orient au temps de la réformecatholique*. Rome: École Française de Rome; 1994. 665 p.
12. Kark R. Ottoman Jaffa: From Ruin to Central City in Palestine. In: *The History and Archaeology of Jaffa 1*. / Ed. by M. Peilstöcker, A.A. Burke. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. P. 129–136.
13. Kuroki H. Events in Aleppo During Napoleon's Expedition of Egypt. *Bulletin d'études orientales*. 1999;51:263–277.
14. Lieber Sh. *Mystics and Missionaries. The Jews in Palestine, 1799–1840*. Salt Lake City: University of Utah Press, 1992. 489 p.
15. Mannā Adel. The Sijill as Source for the Study of Palestine During the Ottoman Period, with Special Reference to the French Invasion. In: *Palestine in the Late Ottoman Period. Political, Social and Economic Transformation* / Ed. by D. Kushner. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Press, 1986. P. 351–362.
16. Masters B. *The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750*. New York: University Press, 1988. 268 p.
17. Masters B. *Christians and Jews in the Ottoman Arab World. The Roots of Sectarianism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 240 p.
18. Momdjian, Maran. *The Levantine Merchant Consuls of Aleppo; The Commercial Elites 1750–1850*. Diss. ... Dr. Phil. Sci. Los Angeles: University of California, 2017. 299 p.
19. Pascual J.-P. La Syrie à l'époque ottomane (le XIXe siècle). In: *La Syrie d'aujourd'hui* / Ed. by A. Raymond. Aix-en-Provence: Institut de recherches et d'études sur les mondes arabes et musulmans, 1980. P. 31–53.
20. Peri O. *Christianity under Islam in Jerusalem. The Question of the Holy Sites in Early Ottoman Times*. Leiden: Brill, 2001. 219 p.
21. Philipp T. The Syrian land in the 18th and 19th Century. The Common and the Specific in the Historical Experience. In: *Social Structure and Political Power in Acre in the 18th Century* / Ed. by T. Philipp. Stuttgart: Steiner, 1992. P. 91–108.
22. Philipp T. *Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831*. New York: Columbia University Press; 2001. 299 p.

23. Schick R. Jordan at the Turn of the 18th–19th Centuries: Napoleon and the Wahhabis. In: *Studies in the History and Archaeology of Jordan XIV. Culture in Crisis: Flows of Peoples, Artifacts, and Ideas*. Amman: Department of Antiquities, 2022. P. 715–723.
24. Schur N. *Napoleon in the Holy Land*. London: Greenhill books, 1999. 224 p.
25. Steen E. van der. *Near Eastern Tribal Societies during the Nineteenth Century: Economy, Society and Politics between Tent and Town*. London: Equinox, 2013. 320 p.
26. Zachs F. Miha'il Mishaqa: The First Historian of Modern Syria. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2001;28(1):67–87.
27. Zachs F. *The Making of a Syrian Identity – Intellectuals and Merchants in Nineteenth Century Beirut*. Leiden, 2005. 296 p.
28. Ze'evi D. Ottoman Intelligence Gathering During Napoleon's Invasion of Egypt and Palestine. In: *The Ottoman Middle East. Studies in Honor of Amnon Cohen* / Ed. by E. Ginio, E. Podeh. Leiden: Brill, 2014. P. 45–54.

Тарас Юрьевич Кобищанов
Taras Y. Kobishechanov

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока
Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва,
Российская Федерация.
e-mail: kobischanov@mail.ru
SPIN-код: 5280-3310
AuthorID: 1001917
ORCID: 0000-0001-8165-0897
ResearcherID: AAV-6437-2021
Scopus AuthorID: 57220932499

C.Sc. (History), Associate Professor at
the Department of Middle and Near East
History, Institute of Asian and African
Studies, Lomonosov Moscow State
University. Moscow, Russian Federation.
e-mail: kobischanov@mail.ru
SPIN-код: 5280-3310
AuthorID: 1001917
ORCID: 0000-0001-8165-0897
ResearcherID: AAV-6437-2021
Scopus AuthorID: 57220932499

Поступила в редакцию /
Received
17.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
14.10.2025

Принята к публикации /
Accepted
14.11.2025